

High School **COPIA**
Миша Дринг

Глаза залиты кровью, сквозь прикрытые веки, увидел Эви. Она стояла, прижав руки к груди и мотала головой. Я практически ничего не соображал, боль была нестерпимой, всё тело ощущалось бесформенной массой.

— Раздевайся, я сказал, — прошипел рядом чей-то знакомый голос. — Или мои ребята поработают над ним основательнее.

Эви, моя Эви, стала медленно поднимать футболку вверх, а затем, решительно отбросив в сторону, с вызовом посмотрела на кого-то позади меня.

— Хорошо. — Мерзкий смех. — А теперь, бюстгалтер, да побыстрее, а то твой парень соскучился по своей девочке. — Эви расстегнула защёлку и, прикрываясь руками, сбросила и его. — Молодец! Встань на колени, Эвелина, доставь старику удовольствие.

— Нет! — Прохрипел я пересохшими губами.

Поиски информации

Ольга Николаевна

В первую очередь нужно было придумать, как вытащить коллегу из лечебного учреждения. Конечно, с любым другим пациентом в этом проблем не возникло бы. От сеанса до сеанса наблюдая прогресс в динамике, врач, тем более, главврач, может спокойно выписать больного, в зависимости от тяжести заболевания, под свою ответственность, или в свободное плавание, периодически встречаясь для анализа его психологического состояния. Но, я не считаю себя глупой женщиной, и совершенно точно осознаю, что Виктор Степанович так легко отсюда не выберется. Даже с моей помощью. Раз с ним провернули такое... Это определенно было нужно какой-то важной птице! Более того, птице нашей среды обитания. Все тонкости дела знали. Давали нужные препараты. Подделали не только документы! всю жизнь человеку переиначили! И подобрали идеальный диагноз...

С ужасом осознаю, что на моем месте мог быть другой доктор. Или... А если бы меня не заинтересовал случай этого пациента, и я стала бы работать сугубо по протоколу? Никто бы возможно даже не узнал истины... Что-то подсказывает, что ввязалась я в опасную историю. И сейчас на грани того, чтобы переступить черту, за которой не будет возврата. Тем не менее, голос внутри твердил — "однажды, ты шла на психологический факультет, лишь бы помогать людям. Значит, выбора у тебя нет."

Прежде всего, решила вернуться домой, и провести вечер с семьёй. С Виктором Степановичем мы условились начать решительные действия с завтрашнего дня. Утром я подам документы, в которых значится, что мой пациент предположительно пошел на поправку, и теперь имеет право, под мою ответственность, жить за пределами клиники. Конечно, эта справка будет иметь силу ровно до того момента, как ее увидит некто вышестоящий. Однако, времени, которое уйдет на это, должно быть достаточно, чтобы уехать.

Сбор информации начнем с дома Артема. Возможно, там будет что-то важное, что укажет, в каком направлении продвигаться. Сейчас же... Я максимально пыталась отстраниться от загадочной истории, и посвятить себя близким людям... Однако, выглядело это нелепо. Спектакль провален. Актеры ужасны. Ведь мысли мои далеко... Они ищут ключ от дверей, которые прежде не доводилось видеть.

Еле дождалась рассвета. Буквально, глаз не могла сомкнуть. Я верю, что вскоре покой

снова будет частью моей жизни. Но, не сейчас. Привычный образ непоколебимого профессионала своего дела пошатнулся. И тело бил озноб. Я впервые за многие годы не знала, каким будет следующий день. И не была уверена в правильности своих действий. И все из-за двух пациентов одного слишком доброго профессора.

Подсознательно, пыталась ничем себя не выдать. Это сказывалось даже на походке. Размеренно цокая каблуками о плитку, устеленную в коридоре, невольно окидывала подозрительным взглядом всех, начиная с уборщицы, старушки Зины, и заканчивая собственной секретаршей. Так и до паранойи недолго... Дошла до аспирантуры, и окликнула первого студента, что подвернулся под руку. Тот сразу замешкался, и покорно выслушал указания. Я отдала ему указ о подконтрольной свободе господина Брусникина, и велела отнести в регистратуру. Потом резвым шагом пошла за своим горе-пациентом. Застала его полусонного, за поеданием утренней молочной каши.

— Утро доброе. — Прошла внутрь палаты, первым делом задернув шторы. Коллега кивнул, и стал быстрее работать ложкой. Судя по всему, он ждал меня немного позже. — Некогда прохладиться, Виктор Степанович. Некогда. Нас ждут великие дела! На сборы вам пять минут... И, выдвигаемся.

Виктор Степанович Брусникин

Я не знаю, как Ольга Николаевна смогла повернуть такое, но я был бесконечно благодарен ей за доверие. Понимая, чем для нее может обернуться эта самодеятельность, я старался взвесить все за и против. Первое, надо найти информацию, кому нужны эти дети и зачем. Кто мог осмелиться лишить меня всего и похитить ребят прямо из моего кабинета? Кто обладает такими безграничными возможностями? Где их держат? Они только только прошли реабилитацию! Только восстановили душевное равновесие, и на тебе! Снова, с ними происходит настоящее безумие! Кто бы мог ожидать такого?!

Я знал адрес дома Артема, где он провел детство, но по его путанным описаниям, когда он рассказывал о том, как он показал Эви это место, я не мог точно указать дорогу. Мы плутали довольно долго, пока Ольга Викторовна не предложила пройти пешком. Оставив машину на обочине, мы углубились в чащу леса, отыскивая тропинку, ведущую к домику. Затем, решили разделить, чтобы поиски были более эффективными. Я прошел уже достаточное расстояние, когда на мобильный, который мне всучила коллега во временное пользование, поступил звонок.

— Я нашла его! Возвращайтесь, Виктор, я не смогу зайти сюда одна. — На одном дыхании проговорила она. — Жду вас на развилке.

☆☆☆☆☆

Дом стоял в такой глуши, что мы бы его никогда не нашли, если бы не знали точно, где искать. С дороги его не высмотреть. Со всех сторон двухэтажное здание окружали деревья, веранду оплетали вьющиеся растения. Я бы не сказал, что дом слишком запущен, создавалось впечатление, что за ним ухаживают до сих пор.

Войдя в дом, впечатление ухоженности испарилось. Слой пыли и паутина, а также спертый воздух, указывали на многолетнее запущение. Я не стал осматриваться, а сразу взобрался на второй этаж. Ольга Николаевна не отставала, нервно оглядываясь, словно боясь, что сейчас повыскакивают призраки прошлого. Конечно, мой рассказ о родителях Артема и о опытах, проводимых над людьми в этом здании, не способствовал к расположению. Даже мне было жутковато, а после всего, с чем мне пришлось столкнуться, я думал, меня уже ничем не проймешь. Даа, все-таки нервная система человека настолько

слаба, насколько может быть тонка нить, натянутая до предела: резкий рывок, и все, ты на грани. И где эта самая грань!? Где кончается интерес и начинается ужас!? А я скажу, что все очень хрупко!

Мы в полном замешательстве смотрели на спальню родителей Артема. Да да, это была именно она: двухспальная кровать с деревянными столбцами, балдахин, изъеденный насекомыми, шкаф — купе во всю стену, с наклеенными фотографиями. Я не стал подходить ближе, мне и отсюда было видно, что на них: операции людей на различных участках тела с применением новейшей медицинской техникой. Врачи в белых халатах, инструменты в их руках и смиренные лица пациентов не вызывали желания познакомиться.

— Что это такое? — Коллега все-таки не смолчала. А я так надеялся... — Это же спальня, Господи, Боже! Как такое только можно было допустить!? Ужас какой-то!? И в таких условиях находился ребенок? — Я знал всю историю семьи, знал давно, когда мне привели напуганного до смерти мальчишку. Тогда мне пояснили, что ему пришлось пережить... Еще задолго до убийства родителей, психика Артема пошатнулась. Ольга Николаевна сколько угодно может причитать, но этого уже не изменить — ребенок видел ужасы, которые не предназначены для детских глаз и, именно это, вкупе с последующими событиями травмировали его душу.

— Давайте не будем придаваться не радужным воспоминаниям, а просто отыщем что-нибудь, что нам поможет, и уберемся отсюда поскорее.

— Согласна. Прямо мороз по коже от этого места. — Прошептала коллега. — Но, один вопрос все-же будоражит мое сознание, — она повернулась и указала на жуткие фото, — Почему их не убрали? Почему не привязали к делу, как вещественные доказательства? Это же улика! Мотив убийства! Разве нет? — С этой точки зрения, я ситуацию не рассматривал, а, ведь, действительно, почему? — Насколько я помню, из вашего рассказа, убийцу так и не нашли. — Продолжив свои умозаключения, Ольга Николаевна открыла шкаф и углубилась в осмотр содержимого. — Возможно, не очень то и хотели. Или не могли. — Я задумался... Я, конечно, не следователь, но теперь многое встало на свои места. И то, что Артема ни разу не навестила полиция, и то, как легко меня убрали с дороги, и многое другое... Этот человек вовсе не простой смертный, имеет связи и власть. И что же такое важное может скрывать этот дом, что он пошел на преступление, и не единожды, не боясь при этом все потерять?! А терять есть что, как выясняется...

— Ответ на ваш вопрос скрывается где-то здесь. Все началось в этом доме, тут и закончится. — Решительно произнес я. — Продолжайте искать, я осмотрю остальные комнаты. Время не ждет! Живы ли еще ребята, а, если живы, то только Богу известно, смогут ли они когда нибудь стать полноценными членами общества...

— Да, нам следует поторопиться. — Вытаскивая ворох пыльной одежды, Ольга Николаевна, осматривала карманы, ощупывала швы, стараясь разыскать хоть что-то. — Мы и так потеряли уйму времени. Еще неизвестно, может нас уже разыскивают. А если тот человек настолько влиятелен, как я думаю, ему не составит труда понять, где нас стоит искать в первую очередь. — Я молча кивнул и вышел из комнаты.

☆☆☆☆☆

Спустя несколько часов непрерывных поисков, мы, уставшие и расстроенные, сидели на кровати в комнате моего подопечного. Сидели, не разговаривая, слов и не требовалось. Мы проиграли, даже, не успев сделать первый ход. Ни одной зацепки... Ни одной связующей ниточки... Ничего!

— Вы говорили про подвал — лабораторию. Осталось только это место, но, не думаю, что сегодня, я еще на что-то способна, да и стемнело уже. — Коллега виновато улыбнулась и резко встала с постели. Зацепившись каблуком за половицу с громким звуком шлепнулась на пятую точку. Я мигом подскочил, помогая женщине подняться, но она отмахнулась, уцепившись за железное кольцо, видневшееся из щели. Потянула его на себя, дощечка со скрипом поддалась, открывая нашему взору пакет, обмотанный скотчем. Мы, не сговариваясь потянулись к нему руками. Вытащив увесистое нечто, положили на пол и несколько минут смотрели на него, не решаясь открыть. Голову посетили сразу ворох мыслей... а вдруг?!... А вдруг, это не то, что мы ищем?! А вдруг, это нам не поможет?!... Или, всё-таки, поможет?...

Что им нужно?

Артем

Собственные глаза казались мне до странности тяжёлыми, а веки словно бы намертво к ним приклеились. Наконец сознание медленно вернулось, и я застыл в неподвижности, не открывая глаз, раздосадованный неким стремительно развевающимся ощущением. Как будто случилось что-то ужасное. Это что-то скрывалось где-то неподалёку, но не позволяло себя поймать, оставляя за собой лишь смутное настроение или невнятный намёк...

Внезапно я понял, что какая-то острая шпукovina тычется мне в спину, и перевернулся на бок. Скрип пружин железной кровати известил меня, что я не в клинике.

Тут глаза сами собой широко распахнулись. И первым, что они в себя вобрали, стала комната с множеством таких же кроватей. Блять! Где я?! Сердце буквально подпрыгнуло. Где Эви?

Прежде чем я успел как следует обмозговать эту мысль, дикий крик обрушился на мои барабанные перепонки. Какую-то долю секунды я явственно слышал звуки борьбы — вопли, стоны, лихорадочные призывы на помощь. Слышал я и другие звуки, которых распознать не мог. На краткий миг я полностью потерял ориентацию: разум помутился, наотрез отказываясь воспринимать невразумительные сигналы, поступающие от органов чувств. Куда это я попал?

Затем я вспомнил про то, как нас с Эви похитили прямо из кабинета доктора Брусникина. И содрогнулся от воспоминаний. Затем бешеная скорость. Визг тормозов и темнота. Сглотнул, загнав желудок куда-то прямо в глотку.

С немалым трудом я сумел сесть, и острая пружина тут-же впиалась в мягкую плоть ладони. Затем, не обращая внимания на боль, я неуверенно встал на ноги. Все тело казалось наполненным болью, скрипучим и потерявшим координацию. Да и разум, если уж на то пошло, тоже. От острого чувства неопределённости кружилась голова, как будто все существо балансировало на грани паники. А паниковать было от чего...

Удар в железную дверь, звук отворяемого засова и в комнату втолкнули Эви. Платье, которое совсем недавно она надела, было разорвано на груди, волосы в беспорядке, на скуле кровоподтек. Здоровенный детина протащил ее за волосы к кровати и бросив, удалился.

— Эви, детка, что с тобой сделали!? — Кое-как доковылял до нее и приобнял. Она тут-же вцепилась в меня, принялась целовать лицо, глаза, щеки. Взяла за руки и прижала к своему лицу.

— Слава Богу, ты в порядке. Я не знала где ты, что думать... — продолжая прижиматься к моей руке, бессвязно шептала. — Я просила, спрашивала, но никто ничего не говорил. Они

игнорировали меня, пока не пришел какой-то мужик в медицинской маске и не приказал отправить меня в изолятор. Я испугалась и начала сопротивляться.

— Маленькая моя, ну, зачем!?! Зачем давать им повод? Надо узнать что им нужно и попробовать договориться. — Я посадил Эви на кровать и стал медленно укачивать, словно ребенка. Она понемногу успокоилась, не прекращая крепко удерживать меня за руку, словно боясь, что я исчезну. — Я с тобой, родная. Мы что-нибудь придумаем.

☆☆☆☆☆

До вечера нас не беспокоили. Мы успели вздремнуть, хотя, мне казалось, что я лишь, прикрыл глаза, а сознание продолжало прислушиваться к малейшему шороху. Слышались шаги за дверью, разговоры, смех. Кому-то было весело... Гады, сволочи! Что им от нас нужно!?

Будто в ответ на мой вопрос, приоткрылось окошко, вделанное в дверь, и, тот же амбал протянул мне поднос с едой.

— Забирайте, живее! — Я встал и забрал из его рук поднос. Запах еды ударил в нос и я сглотнул, тошнота подкатывала, но, я понимал, что нам нужны силы.

— Эви, детка, просыпайся. Надо поесть, милая.

Она нехотя поднялась, но спорить не стала. Молча принялась за еду, медленно пережевывая. Пища оказалась неплохой, видно, мы нужны им живые. О том, что нас, возможно, готовят на убой, я старался не думать. Не стали бы они идти на такой риск, хотя, как я слышал, именно, таких, без родственников или, проживающих в подобных местах, откуда нас забрали, и похищают людей для этих целей.

— Артем, что с нами будет? — Озвучила Эви, отложив в сторону тарелку.

— Не знаю. У меня нет не единого предположения.

— Нас продадут на органы, да?

— Ну, что ты, глупенькая. Конечно нет. Прежде, чем похищать людей для этого, они должны удостовериться, что наши органы в порядке. — Попытался я успокоить любимую, но она не поддавалась.

— Так в нашем случае, это очень легко сделать. Все наши данные есть в медицинской карте. Разве нет?

Иногда она была не в меру сообразительной. И это не в первый раз, когда она сбивает меня с толку своей логикой. Это все, конечно, так, но можно было поступить намного проще. Зачем такое представление: захват персонала, маски, шприцы и прочее? Могли оформить липовый перевод и все шито крыто.

— Не думаю, детка. Здесь что-то другое.

— А доктор Брусникин... он... он... — она так и не задала мучивший ее вопрос. Меня тоже посещала мысль о его участии, но я быстро отбросил ее — не такой он человек. Он мне как отец, которого, по сути, у меня никогда не было. И он настолько предан своему делу, настолько проникается каждым пациентом, что не вяжется у меня его образ с какой-либо подставой.

— Нет, Эви, не думай плохо о Викторе Степановиче. Он помог нам, тебе и мне! Не стал бы он с нами возиться целый год, чтобы потом передать в руки каких-то психов! И потом, вспомни, ему самому пришлось не сладко: его скрутили, как помеху и что-то вкололи.

— Да, ты прав, извини. — Эви подошла и присела ко мне на колени, обнимая за шею.

— Не стоит извиняться. Ты не знаешь, что думать, вот и лезет в голову всякое.

— Ну, что, голубки, пора пускать вас в расход. — Дверь с шумом распахнулась и двое

быстрым шагом направились к нам. Я встал, загоразивая Эви и, придерживая рукой, чтобы удержать ее от опрометчивого шага — защитить меня. — Кто первый?

— Что вам надо? Что вы от нас хотите? — Выкрикнула она из-за моей спины.

— Вот сейчас и узнаем. — Усмехнулся один, выдергивая Эви.

— Стойте! Стойте! Она ничего не знает, отпустите! — Я вцепился в любимую мертвой хваткой, готовый рвать зубами любого, кто сделает ей больно.

— Как интересно! А ты, значит, знаешь? — Они переглянулись и, швырнув Эви на железную кровать, потащили меня к выходу. Она кричала, не переставая. Пока мы шли по освещенным коридорам, напоминающим больничные, ее голос еще долго раздавался в ушах, пока не потонул в шуме работающей техники.

Меня привели в лабораторию. Это была, именно, лаборатория. Мне уже приходилось бывать в подобном месте, находясь в клинике доктора Брусникина, только было одно отличие: кроме медицинского персонала там я никого не наблюдал, здесь же, на кушетках лежали люди, перевязанные ремнями и, подключенные к аппаратам новейшей техники. Всюду журчали мониторы, слышались перестукивания датчиков, монотонное бормотание, находящихся в бреду пациентов. Меня бросило в холодный пот, когда я осознал, что нас ждет та-же участь.

— Ну, как, нравится? — Расхохотался один из провожатых. Второй, покачав головой, вышел за дверь. Я промолчал. — Иди за мной. — Он прошел между стоявшими по обе стороны рядами кушеток и открыл белоснежную дверь, находящуюся в неприметном углу за пластиковой ширмой.

Оставив меня в одиночестве, он удалился, тихо прикрыв за собой дверь. Я осмотрелся: все ослепительно белое, словно хозяин кабинета боялся запачкаться. Белый стол с аккуратными стопками бумаг на нем, такое же кресло, обитое белой натуральной кожей. Несколько этажерок с заставленными на ней папками разных цветов — это единственное нарушение в цвете, что выглядело ярким пятном, не свойственным этому помещению. Небольшой кожаный диван, стоящий в углу, также был из натуральной кожи, а миниатюрный журнальный столик из стекла сверкал чистотой. Сбоку от двери я заметил, висевший на стене шкафчик со стеклянными дверцами. За ними виднелись медицинские инструменты. Я резко подскочил и открыв дверцы, вытащил два острых предмета, похожих на скальпель и засунул в карманы штанов, возле колена. Пригодится, главное использовать в нужный момент.

Неожиданно распахнулась боковая дверь, на которую я даже не обратил внимания — она полностью сливалась с белоснежной стеной, скрывая от посторонних глаз.

— Ну, здравствуй, Артем! — Передо мной стоял пожилой мужчина в белоснежном халате и голубой маске, скрывающей лицо. Но, я все равно узнал его. Его голос, его манера склонять голову... Это тот мужчина из клиники доктора Брусникина, один из похитителей, но, что-то ускользало, что-то неуловимое мешало сосредоточиться. Где-то я уже слышал этот монотонный низкий голос с хрипотцой. Меня не покидало ощущение, что это не вторая наша встреча. — Мне тут птичка на хвосте принесла, что ты в курсе того, что от тебя требуется. Похвально. Сообразительный парень. — Он прошел внутрь и уселся в кресло. — Присаживайся, поболтаем, как старые друзья. Мы, ведь, друзья, так?

Я как бы сам не совсем адекватен, прекрасно понимаю, что все, что я сделал с Эви накладывает определенный отпечаток, да и лечение в детском возрасте дает понять о моем психическом состоянии довольно многое, но он... Я не могу судить о его агрессивности или

дать какой-либо анализ его действиям, потому как он себя особо и не проявил пока, но я жопой почувствовал исходящую от него угрозу... И это было не так, как, если бы ты увидел хулиганов и знал об их намерениях, и, даже, не так, когда ко мне в дом ворвались незнакомцы — это все было простым и очевидным. Здесь же, притаилась скрытая угроза, угроза, настолько первобытная, настолько дикая, что я на мгновение перестал дышать. Мое горло охватил спазм такой силы, будто, кто-то невидимый сжимал мою шею, перекрывая кислород.

— Ну ну, парень. Так у нас разговор не заладится. Вздохни глубже. Да, вот так... Еще вздох... молодец... — произносил он указания монотонным голосом, успокаивая, словно погружая в транс. Какое-то время, я пытался сфокусировать взгляд на его лице, затем, перестав сопротивляться, провалился в темноту.

— Артем! — Истошный вопль. — Артем! Любимый! Очнись! Что они с тобой сделали!? — Я медленно приходил в себя, обрывки воспоминаний из детства, похищение, посещение моего родного дома вместе с Эви, и встреча с... Встреча с кем? — Ты в порядке!? — Голос Эви доносился, будто издалека. — Милый, милый, посмотри на меня!

Глупая попытка

Эви

Господи! Господи! Господи! Да что же это такое!? Когда закончится? Уже третий день Артема куда-то отводят и приносят в полубессознательном состоянии. Видимых признаков избиения или пыток я не заметила, и от этого становилось еще страшнее. Спустя несколько часов после того, как его приводили, он немного приходил в себя и просил, чтобы я не лезла на рожон и ни о чем их не спрашивала. На мои вопросы он отвечал только одно — Я переживу. Какое там, переживает! Он еле держится на ногах! Что эти сволочи с ним делают?

— Эви, детка, иди ко мне, приляг. — Тихий шепот Артема я едва слышала. Только благодаря зловещей тишине я уловила изменившуюся вибрацию воздуха и повернула голову. За три дня он очень изменился внешне: лицо осунулось, резко обозначая скулы, глаза впали, и казались темным пятном на бледной коже. Волосы взъерошены, губы в мелких трещинах. Я чуть не разрыдалась от его жуткого вида, но вовремя сдержалась. Я должна быть сильной. Ради него. Ради себя. Ради нас.

— Конечно, любимый, — свернулась вокруг него клубочком, поджав под себя ноги. — Эви с тобой. Эви рядом.

Обнял меня ослабевшей рукой, едва касаясь, невесомо, практически, неощутимо, но мне это было нужно. Ему это было нужно. Так мы и уснули, пока громкий скрип двери не вырвал нас из беспокойного сна в не менее беспокойную реальность.

— Рота, подъем! — Издевательски заорал вошедший.

— Маловата рота, — рассмеялся второй, следовавший следом.

— Ничего, мне хватит. — Парировал первый. — Сегодня, малышня, у вас банный день. А затееем, — протянул он, — вас накормят и отведут на ковер к главному. Проштрафились вы ребята. — Мерзко захохотал ублюдок.

По спине пробежал предательский холодок страха. За что нам все это? Чем мы провинились перед ними? Мы же ничего не сделали! Ничего не знаем! Хотелось орать до звона в ушах. До лопнувших перепонок, забыться, хоть на миг избавиться от ужаса, сжимавшего горло.

— Давайте, поднимайте задницы и на выход, блять. — Нетерпеливо зарычал мерзавец.

Видно насмешки закончились и он решил побыстрее избавиться от нежелательной возни.

Нас вели по многочисленным коридорам целую вечность, пока не остановились перед двойными стеклянными дверьми. Один из сопровождающих толкнул ее и мы очутились в огромной душевой с множеством кабинок. На скамейке, сразу возле двери, была сложена одежда и полотенца, а также банные принадлежности.

— Вот пользуйтесь. Я сегодня добрый. На все про все у вас час. — Наш провожатый прошел внутрь и проверил окна на предмет надежности. Смешно! Неужели он думает, у нас хватит сил, чтобы выбраться в окно. Если, я бы еще и решила на побег, то Артем сейчас точно не в том состоянии. — Ну! Что встала? Или хочешь, чтобы тебе потерли спинку? Это я могу. Это я с удовольствием. — Он подошел ближе и меня передернуло от отвращения. Еще секунда и меня стошнит прямо на его белые тапочки. И тогда, ничего хорошего не будет. А это нам ни к чему.

— Нет, спасибо, мы справимся сами. — Взяв Артема под руку мы пошли к душевым кабинкам.

Оставшись с Артемом наедине, я стала осторожно снимать с него одежду. Настроив воду, подвела его к кабинке. Он тяжело облокотился о стену, подставляя тело под теплый поток воды. Я быстро разделась и встала рядом, помогая ему.

— Эви, детка, прости меня. — Шептал Артем, лихорадочно обнимая меня. Целовал шею, губы, глаза. — Прости! Прости! Я во всем виноват!

— Ну, что ты, любимый?! Не смей даже думать об этом! Ни в чем ты не виноват! Ты же не знаешь, что им нужно. Кто мог предположить такое? — Успокаивающе поглаживая его по голове, старалась донести до него, что стечение обстоятельств и какой-то чокнутый профессор решили поиграться с нашими жизнями.

— Я... Я, кажется, знаю, что им нужно. — Артем присел на пол, обхватив голову руками. — Помнишь, я показывал тебе дом своего детства? — Я согласно кивнула. — Когда-то давно, еще до убийства родителей, играя, я обнаружил тайник в своей комнате. — Я нервно сглотнула, не понимая к чему он клонит. Как тайник в доме его родителей связан с нашим похищением? — Там были какие-то бумаги — ничего интересного, поэтому я, вскоре, забыл об этом. Но, спустя некоторое время, отец заставил меня запомнить, что это очень важные документы и их нужно беречь.

— Что за документы и как...

— Эви, детка, — тихо остановил меня Артем, — послушай. Не перебивай, пожалуйста. — Выключив воду, он взял полотенце и накинул на меня, а сам сел на лавку. — Отец занимался исследованиями, — продолжил он, — чем именно он занимался, я не знаю, но этот человек, каким-то образом связан с этими исследованиями. Все эти дни меня накачивали хрен знает чем, задавали вопросы... — Артем на мгновение прервался, восстанавливая дыхание. — Я отмалчивался, ведь я совсем забыл обо всем. Сколько лет прошло! И только сегодня, вспоминая тот день, когда я показал тебе свой дом и, где мы были так счастливы, я, наконец, понял, что от меня хотели. Они хотят исследования моего отца. Все разработки и формулы. Ведь, ему удалось, понимаешь! Отцу удалось совершить прорыв в в какой-то области и, именно, поэтому его убрали, а мать, просто оказалась не в том месте и не в то время.

— Я все равно не поняла, любимый! Как этот профессор узнал о его разработках?

— На этот вопрос у меня нет ответа. — Артем, не вытираясь, надевал на себя одежду. Я последовала его примеру. Ночная рубашка, похожая на смертельную, словно издевка,

висела на мне, как мешок. Перетянув веревками себя за пояс, я придала этой бесформенной тряпке некое подобие халата. Ни белья, ни каких либо штанов не наблюдалось. Ладно, что есть, главное, свежее.

Артем облачился в белую футболку и полотняные штаны на резинке. После душа он выглядел более менее сносно, несмотря на темные круги под глазами. Под скамейкой стояли тапочки, такие же, как у наших охранников. Ощущение, что мы в сумасшедшем доме усилилось, не хватало лишь привязать нас к кроватям. Но, думаю, это еще впереди.

— Артем, — обратилась к любимому, все-таки желая озвучить свои мысли, — ты же скажешь о тайнике? Может быть нас отпустят, если ты будешь сговорчив?

— Детка, я и не собирался ничего скрывать, я же сказал — не помнил я об этом до сегодняшнего дня. Только не думаю, что нас так просто отпустят. — Покачав головой, притянул меня к себе. — Мы выберемся отсюда! Обещаю, мы выберемся. Пока не знаю как, но я найду выход. Верь мне.

— Я верю, любимый, верю! — Воскликнула я, перебираясь к нему на колени. — Люблю тебя очень! Не смогу без тебя! Главное, не бросай! Не бросай меня снова! — Его руки сомкнулись за моей спиной. Тепло разлилось по всему телу. Как же давно... Как давно я не чувствовала его прикосновений.

— Детка, ни за что! Не оставлю! Я сделаю все, чтобы ты выбралась отсюда.

— Мы выбрались, Артем, мы! — Зачем он так говорит? Зачем говорит так, будто, готов пойти на какую-то сделку с этими мерзавцами? Я не допущу этого! — Если ты думаешь, что я оставлю тебя здесь, то ты ошибаешься. Даже не думай, слышишь!?

— Детка, я... — его голос потонул в скрипе открываемой двери и мы резко повернулись на звук.

— Я не вовремя? — Ехидно осведомился наш охранник. — Или, наоборот, опоздал? Как жаль, — прицокнул языком, гримасничая. — А я бы посмотрел сношение двух придурков. — Мерзко расхохотавшись, схватил Артема за шиворот и выволок в коридор. — Че встала, шалава, ждешь особого приглашения? Вперед, блять, я и так предоставил вам достаточно времени. А, если, — он облизнул свои толстые губы, — ты осталась неудовлетворена, то я согласен перепихнуться с тобой по-быстрому. — Артем неожиданно ловко налетел на него сзади и, обхватив за плечи, вцепился зубами ему в шею. И откуда только силы взялись?! Я не стала размышлять над этим и бросилась на помощь любимому. Вдвоем мы повалили его на пол и пока Артем, не размыкая зубов, удерживал его руки, я вытащила веревку с его брюк и перетянула ему ноги. Он продолжал сопротивляться и тогда Артем ударил его головой об пол. Охранник затих.

— Он мертв? — Безразлично спросила я. Мне было плевать на него, я лишь не хотела, чтобы он помешал нам сбежать, ведь именно это сейчас и происходит.

— Не думаю. Давай убираться отсюда.

Кое-как затащив его в душевую, мы осторожно крались вдоль стенки по коридору. Стояла гробовая тишина и, мне казалось, резиновая подошва наших тапочек гулко раздавалась по всему зданию. Быстро пробежав оставшееся расстояние до конца коридора, мы наткнулись на второго охранника, который оказался более рассторопным — одним движением руки свалил Артема с ног, и принялся наносить один удар за другим.

— Не надо! — Орала я, как умалишенная. — Не трогай его, мерзкая тварь! — Оттаскивая его за ворот футболки, старалась, как можно сильнее перетянуть шею, чтобы он перестал избивать любимого.

— Что здесь происходит? — Охранник резко вскочил и виновато опустил голову.

— Я... э... Это самое, — почесывая затылок, мямлил этот ублюдок.

— Почему ты ослушался приказа? — Спокойно произнес профессор. Это был, именно, он, я узнала его. Маска на лице, глубоко посаженные глаза и копна густых волос с проседью на висках убедили меня в этом. Когда охранник продолжил невнятно мычать, профессор отвесил ему хлесткую пощечину. Несмотря на то, что он был намного ниже и слабее своего подчиненного, это выглядело внушающе. — Я спрошу по другому — как так вышло, что парень, о котором я велел позаботиться, лежит сейчас в луже собственной крови?

— Извините, босс. Мне пришлось, они пытались сбежать. — Охранник попытался оправдаться, но профессор остановил его порыв.

— Не важно. Приведи его в порядок. — Повернувшись ко мне, добавил: — После того, как вас накормят, я ожидаю вас в своем кабинете...

— Сука долбаная! — Шипел охранник. — Вы ещё пожалеете! Я вам устрою! Я тебя поймею во все щели на глазах твоего любимого. А затем и его дырку разработаю. Как тебе такое, а? — Ужас, отразившийся в моих глазах, заставил его довольно улыбнуться. Я даже представить не могу такой исход событий. Все что угодно, только не это!

— Если ты хоть пальцем нас тронешь, не думаю, что твоему боссу, — сделала я ударение на последнем слове, — это понравится. — Я постаралась взять себя в руки и сыграть на его уважении к профессору или же на страхе перед ним. Не знаю точно, что он испытывает, но что это возымело действие, я заметила.

— Поживем — увидим. — Забросив Артема на плечо, он направился по коридору. Я последовала за ним.

Разговор

Артем

Я смутно помню эти несколько дней, когда меня пичкали различными препаратами, кололи всякую дрянь и подключали датчики. Зачем это было нужно, мне не объясняли, а спросить не было возможности — во рту все это время был кляп. Иногда, мне давали глоток воздуха, а также, выпить воды. Создавалось впечатление, что за мной ухаживали, чтобы я не окочурился раньше времени.

На третий день молчаливых экспериментов, со мной заговорили. Тот мужик в белом халате, что вошёл в кабинет, когда я... Когда я спрятал скальпель в карман. Ощупал себя и не обнаружил спрятанного предмета. Ясно, обыскали, значит.

— Артем, сейчас я проведу небольшой тест. — Говорил врач, пока двое санитаров привязывали меня к кровати. — Ничего страшного с тобой не произойдет, так, слегка потрясёт. — Мне уже это не нравится. Что задумал этот полоумный? Я начал вертеть головой, дрыгать всеми конечностями, в попытке освободиться, но ремни, лишь крепче затянулись, стягивая кожу. — Перестань, дёргаться, Артем. Это не поможет, наоборот, ухудшит твоё положение. — На пальцы мне прицепили прищепки с проводами и подключили к какой-то аппаратуре. Что это значит, я мог только догадываться. И я догадался. — Начнем с пятнадцати, — приказал кому-то за монитором. — Поиграем в вопрос-ответ. Я задаю вопрос, ты отвечаешь. Если ответ мне понравится, всё хорошо. Если нет, — он махнул головой в сторону аппарата, — ты получаешь удар током. Все понятно? — куда уж непонятнее, бя! — меня слегка трянуло и я в недоумении уставился на психопата. — Я не слышу, Артем, тебе все ясно? — я кивнул. — Хорошо, начнем.

И эксперимент начался... Вопросы были самые разнообразные: от того, что мне нравится до того, что ненавижу. Ничего о том, чтобы как-то разъяснить мне, зачем нас похитили. Если я замешкался с ответом или не знаю ответа вовсе — удар током. Ответ, по мнению этого психа, неверный — удар током. Все, чтобы я не ответил, он забраковывал и мне прилетала электрическая встряска. Каждый раз разряд тока увеличивался. Это была невероятная иллюстрация того, что он всемогущ и ему следует подчиняться.

В какой-то момент, мне захотелось заорать: — Это дерьмовый эксперимент! Безумие психопата! Но я молчал. Пот заливал глаза, брови, скатывался по щекам и подбородку. Я начал испытывать страх, а затем, совершенно неожиданно, у меня появились отчётливые признаки нервного смеха. Смех казался мне неуместным в данной ситуации, если не сказать, странным. Почему возникло такое желание? Конечно же, меня не обрадовала перспектива быть убитым током каким-то конченным уродом. Это была моя реакция на боль. Так я старался отвлечься. И, я сумел, отвлекся, зашелся безудержным смехом. А дальше, меня чем-то укололи и я мгновенно отключился.

Оказавшись в боксе рядом с Эви начал постепенно приходить в себя. Сутки после прошли более менее спокойно, не считая насмешек охранников. Затем, неудачный побег, который с самого начала был обречен на провал, но попробовать стоило. То, что один из них говорил Эви, я не смог стерпеть и поддался на провокацию. Ничего хорошего из этого не вышло. Нас накрыли, едва мы почувствовали надежду. Жестокое избиение на глазах у любимой и последующие за ним несколько часов прошли как в тумане.

Я лежал на больничной койке, в чистой одежде и с иглой в вене. Едва я открыл глаза, увидел свою девочку, свернувшуюся калачиком в рядом стоящем кресле. Она забылась беспокойным сном. Ее глаза бегали под прикрытыми веками, ни на мгновение не отпуская в мирное забвение. Я тихонько коснулся ее ноги и она, резко вскочив, опрокинула стакан с водой. Испуганно оглядевшись по сторонам, Эви, наконец, посмотрела в мою сторону.

— Все хорошо, детка, все хорошо, успокойся! — Я приподнялся и похлопал по кровати возле себя. — Иди ко мне. — Вытирая слезы, потоком хлынувшие из ее глаз, она громко зарыдала. Все, что с ней произошло, все, что пришлось пережить, всю боль и страхи, накопившееся за это время, прорвалось наружу. Не сдерживая себя, Эви продолжала плакать, хоть как-то стремясь выплеснуть свои переживания. Остановить ее я не пытался, давая ей волю выплеснуть весь негатив, лишь, слегка поглаживая вздрагивающие плечи.

☆☆☆☆☆

— Артем, Эвелина, проходите. — Монотонно-приторный голос психа звучал раздражающе. Он, видимо, считал, что таким образом располагает нас к себе. — Я хочу поговорить с вами откровенно. Вы многое пережили, — он удручающе посмотрел на меня, качая головой. Еще бы пальцем погрозил для пущего эффекта. — В особенности, ты, моя дорогая. Но, всегда есть, но! Артем не виноват в своей жестокости. Он получил неблагоприятное воспитание, это и стало причиной его последующего поведения. — Зачем он это говорит? Зачем берedit старые раны и давит на психику? Хочет показаться на моем фоне ангелочком? Не выйдет, он упустил такую возможность похитив нас. Ничего из того, что он скажет, не сможет повлиять на наше отношение к нему. Его тирада ничего не изменит, зря старается. — Если человек, по тем или иным причинам, совершает жестокое преступление, это не означает, что он психически болен. Все довольно просто: некоторые участки мозга, отвечающие за совершение зла, дают человеку иное видение, они перестают видеть в других людях что-то человеческое, считают их недоллюдьми, видят без оптических

искажений.

— Что вы тут пытаетесь до нас донести, профессор? Артем, по вашему мнению, увидел меня с рогами дьявола и, таким образом решил искоренить зло? Что за чушь!? — Эви привстала. Ее голос звенел от негодования. А, вот, я призадумался. Где-то он был прав. Ведь, именно, после ее, казалось бы, мерзкого поступка, я перестал видеть в ней любимую девушку. Увидел совсем не то, кем она была. И поступал соответственно. — Артем! — голос Эви вернул моё сознание. — Не слушай его, любимый! Ты же не думаешь, что...

— Эвелина, дорогая моя, не нужно так реагировать. Успоко...

— Да не надо меня успокаивать! — перебила она профессора. — Вы себя лучше успокойте, вам это нужнее. У нас с психикой все нормально! Нас вылечили! А вот о своей вам не мешало бы подумать! Вы себя только послушайте! Что вы несёте? — Эви не на шутку разошлась и нашему собеседнику это не нравилось. Он недовольно нахмурил брови и вызвав по селектору своего сотрудника, приказал принести три чашки зелёного чая.

— Присядь, Эвелина, — твердо попросил он. В его голосе что-то изменилось и любимая это почувствовала. — Хорошо! — хлопнул ладонями по столешнице, намереваясь напугать нас неожиданностью, но мы даже не дернулись. — Я хотел, как лучше, показать вам свою заботу, искреннее участие, ну, чтож... — профессор встал и достал из ящика стола газетную вырезку. — Ознакомьтесь.

Мы с Эви склонились над статьей, в которой говорилось о некоем прорыве двух молодых, подающих надежды, учёных. Фотография прилагалась. На ней я узнал своего отца. Рядом с ним был мужчина, как я полагаю это наш новый знакомый. Оба с улыбками на лицах держали диплом о достижении в области... Далее, статья прерывается и новый снимок: два учёных спорят, жестикулируя руками. И под ним надпись: конфликт учёных достиг колоссальных масштабов. Из прочитанного я узнал, что моего отца с позором изгнали из университета биоинженерии, основываясь на его некорректных методах исследования. Изгнали, без права работать в этой области. Теперь, понятно, зачем он оборудовал целую лабораторию в нашем подвале — он не закончил свои эксперименты, он лишь сменил место действия.

— Зачем нам эта информация? — я не понимал, что он хотел нам показать. Ну работали вместе, и что? Ну выгнали моего отца, и что? Ему то какое дело? — Мне совершенно плевать, чем занимался мой отец. Меня никогда не интересовали подобные вещи.

— Твой отец, Артем, оказался пронырливым сукиным сыном! — первый раз спокойствие ему отказало и он повысил голос. Руки затряслись, когда он попытался сделать глоток чая. — Он обвел меня вокруг пальца! Подменил образцы, данные, всё! Оставил мне липу, а сам приспокойно занимался нашим делом. Нашим общим делом! Я прознал об этом, — продолжил профессор, — прознал и пришел к нему для выяснения отношений.

— Вы... — в этот момент я всё понял. — Вы убили его! Вы убили моих родителей!

— Я был вынужден! У меня не оставалось выбора! Или я или меня! Мы сцепились и тут появилась твоя мать. Набросилась, как ненормальная, всё произошло в одно мгновение. Я...

— Вы сейчас что, оправдываетесь? Seriously? Считаете это уместно? — моему удивлению не было предела. Вот это да!

— А что не правдоподобно, да? — он неожиданно громко расхохотался, вытирая слезы. — Артем, Артем! Я уж думал поймал тебя на крючок, а ты оказывается крепкий орешек. — Продолжая хохотать, профессор выглядел не совсем вменяемым. Мы с Эви переглянулись, оторопело глядя на него. Бред! Он же самый настоящий псих. Психопат с

докторской степенью. И мы в его руках.

К чаю мы не прикоснулись, желая лишь одного — оказаться от него, как можно дальше.

— Что вы хотите от нас? — я, наконец, задал этот вопрос, ответ на который мучал нас уже несколько дней.

— Самую малость! — вкрадчиво произнес он. — Где бумаги, Артём? Где! Мои! Бумаги!?

Мгновение счастья

Артём

Я целый год считал себя извращенцем, психом, но это нишло ни в какое сравнение с тем, что я чувствовал сейчас. Он же настоящий маньяк! Причем не просто маньяк! Все его действия выверены и хорошо обдуманы. У него есть план.

Сначала он прессовал меня молча, затем решил сыграть в игру — я добрый дядюшка, теперь, он открыто заявил о своих намерениях. Ему нужны документы и он пойдет на все, чтобы их заполучить. Убийством моих родителей он ничего не добился, сейчас у него другой способ, не менее жёсткий, я бы даже сказал, более. После смерти ты ничего не чувствуешь, ты умер, всё, точка. Это более гуманно, чем, когда тебя морально и физически унижают каждый день и ты ничего не можешь с этим поделать. А, если ты ещё и ответственен за чью то жизнь, вдобавок, когда жизнь эта тебе не безразлична, то это намного страшнее смерти.

— Я не люблю повторять дважды, но для тебя сделаю исключение. — Профессор облокотился на стол и уставился на меня немигающим взглядом. Эви сидела напряженно, опустив голову. Я прекрасно понимал, что ей хочется вскрикнуть, сказать все, что он захочет, но также, я понимал и другое: скажи я сразу, где находятся бумаги, наши жизни не будут стоить и ломаного гроша. — Где документы, Артем? Я знаю, что тебе это известно, поэтому не испытывай мое терпение — оно у меня не безграничное — и просто скажи.

— Какие документы? — спросил первое, что пришло на ум. Профессор резво вскочил и обхватил Эви рукой за горло. Сделал удушающий прием и она обмякла в его стальных объятиях. Я подбежал и, едва успел подхватить ее тело, когда он отбросил его в сторону. — Что вы делаете?! — воскликнул я в ярости. Кулаки сжимались и разжимались. Я представлял, как сверну его тощую шею и образы моих видений были так отчетливы, что я уже видел, как его безжизненное тельце с грохотом падает на пол. — Я понятия не имею ни о каких документах!

— Ты, кажется, не до конца понимаешь, что тебя ожидает в случае твоей несговорчивости. Мы можем поговорить об этом, если желаешь. Но, мне сдается ты хочешь совсем не этого. — Он поправил съехавший халат и уселся в свое кресло, как ни в чем не бывало. — В случае же сотрудничества, вам гарантирована свобода.

— Да? Кем гарантирована? Вами, что-ли? Так себе гарантия! — перетащив Эви на диван, я решительно направился к нему, намереваясь притворить в жизнь свои видения, но палец на селекторе остановил меня.

— Ну ну, Артем, не глупи. Ты же не хочешь, чтобы мои парни снова поработали над тобой? — от безысходности заскрежетал зубами, стараясь унять злость. Она сейчас ни к чему, я должен сохранять холодный рассудок, а не впадать в панику. Нужно играть по его правилам, или, хотя бы, чтобы он думал таким образом.

— Меня не радует такая перспектива.

— Я так и думал. А теперь, пожалуйста, присядь и выслушай меня. Твое молчание не

приведет ни к чему хорошему, а вот, искренность и понимание спасет вам не только жизнь, но и психику. Иначе, мне придется пойти на крайние меры. — Его ухмылка, скрытая под медицинской маской, не могла спрятать безумный взгляд, которым он меня одарил. Можно только догадываться, что этот псих имеет ввиду под крайними мерами. В его богатой фантазии я почему-то не сомневался.

Я задумался. Перебирал в уме разные варианты, различные способы побега, а также, способы убийства, к которым я прибегну, как только представится случай. Он сидел молча, ожидая моего решения и по его довольной физиономии я понимал, что он уверен в моем сотрудничестве. Говорят, что выход есть всегда. Что не бывает безвыходных ситуаций. А, по моему, тот, кто так думает, не бывал в трудных ситуациях и жил в тепличных условиях. Это настолько ошибочное утверждение, что захотелось настучать по башке тому, кто это придумал и ввел людей в заблуждение. Чувствуешь себя идиотом от невозможности найти этот самый выход, ведь какой-то смысленный парень решил, что он есть, сука. А я, блять, недоделок нихрена не могу отыскать его. Вот бы его сюда с его умом то, а то сидит где-то на песках пляжных да изголяется в остроумии.

— В детстве, играя в своей комнате, я обнаружил пакет с бумагами, но я не уверен, что это то, что нужно. — Наконец ответил я. Как бы мне не хотелось говорить ему где эти чертовы документы, ведь это наш единственный шанс остаться в живых, выбора у меня не было. Конечно, я ни на секунду не поверил ему, что нас отпустят, но надеюсь, что прикончат нас не сразу и время подумать о побеге у меня будет.

— Это все? Или ты забыл упомянуть какую-нибудь незначительную деталь?

— Бумаги находятся в моей комнате под половицей возле кровати. Там еще такое кольцо, за которое можно ухватиться. Это все. Когда нас отпустят? — на его порядочность я не надеялся, но уточнить все же следовало. Эви зашевелилась и сонным взглядом оглядела вокруг.

— Как только мои ребята привезут бумаги, можете быть свободны. — Отмахнулся он. — Сергея ко мне. — Приказав сотруднику доставить к себе своего человека, добавил: — Но, ты же понимаешь, что мне нужны гарантии вашего молчания?

— Понимаю, и готов на все, чтобы ваша душенька была спокойна.

— Вот и отлично, значит, договоримся. Можете быть свободны, — он расхохотался от своей шутки. — Простите за каламбур! Свободны, немного не то. Вас проводят в ваши апартаменты. — Постучав, вошел наш охранник — тот, которого мы с Эви повязали — и неприязненно посмотрел на нас.

— Вызывали, док?

— Да. Проводи молодых людей в палату и живо ко мне.

По дороге нам перепали угрозы от этого хмыря — его месть будет ужасной, как только старик даст добро. Он упражнялся в методах ухищренных пыток, которыми он нас одарит, но дальше слов не заходил. Видно напарник проинструктировал его, что пока мы неприкосновенны.

Моя голова склонилась к ней, губы прижались к обнаженному плечу. Эви испустила блаженный вздох. Горячий язык прошелся по плечу, обследуя каждый мускул и косточку. Язык неторопливо прошелся вверх по плечу до самой шеи, оставив влажный след на коже. Рука сжала грудь, прикрытую платьем. Большим пальцем поглаживал ее торчащий сосок через ткань, а губы врывались с нетерпением в её рот.

Сняв платье, спустился ниже, стал нежно сосать ее набухшую грудь, любимая

расслабилась и наслаждалась влажным предвкушением главного. Пальцами перешел на попку, тиская, лаская и дразня, проникая во влажную расщелину. Она вздохнула и вздрогнула, когда мой язык проник в ее ухо, быстро двигаясь назад и вперед. Непроизвольно стиснув ноги, напрягла бедра, словно предвкушая, когда мой член будет двигаться в том же ритме, в каком сейчас орудовал язык.

Я опустил перед ней на колени. Она тихонько хихикнула и попыталась отступить назад, но я оказался проворнее. Крепко ухватил ее за попу и, подтянув к себе, удерживал прямо перед лицом. Вдохнул ее запах, чистый и нежный, замешанный на аромате страсти. Я сгорал от желания, несмотря на боль во всем теле. Это наша первая близость, с тех пор как...

Увидел блестящий от влаги клитор и, как зверь, почувствовал волну запах её возбуждения. Я приложился ртом к ее киске и с наслаждением сжал руками ее упругую попку. Она была здесь, со мной, реальная, податливая и жаждущая. Я поцеловал ее, и она обхватила меня руками за волосы, притягивая ближе. Я пожирал эти шелковые губы, целовал, кусал и сосал их, смачивая своей слюной, пока не почувствовал резкий вкус ее влаги. Эви вцепилась в мои плечи, царапая их короткими жесткими ногтями, нашептывая мне "Возьми меня, любимый". Ещё больше теряя голову, крепче ухватил ее попку, а мой напряженный член беспомощно бился в штанах, пока я облизывал влажную дырочку, пытаюсь проникнуть в нее языком.

Затем обвел языком набухший клитор, обхватил ртом полностью, засосал его легонько, и шлёпнул по нему ладонью. И она тут же, застонав, кончила. Я удерживал ее сотрясающееся в судорогах тело, крепко вцепившись губами в истекающее влагалище, чтобы довершить оргазм. Ее пальцы ослабили хватку на моих плечах, а бедра перестали дрожать.

Быстро поднявшись после полученного удовольствия, Эви стащила с меня штаны и облизнула головку, обтянутую гладкой кожей. Стараясь поймать прозрачную липкую каплю, наслаждалась вкусом и ощущением трепещущего члена во рту. Она удовлетворенно вздохнула, когда мои руки легли на ее плечи. Следующим движением она уже оказалась лежа на спине.

— Раздвинь ноги, — приказал я, и тут же, не дожидаясь, сам ухватил ее за правое колено и резко отодвинул ее ногу в сторону. Она так распалилась, что не ощущала ни малейшего смущения, оттого что ее тело, было выставлено напоказ. В её глазах я увидел желание, которого никогда не ожидал от неё.

— Блять! — воскликнул я. — Как же я хочу тебя!

— Ну, давай же, — прошептала она, закрывая глаза. Я лег на нее всем весом и одним мощным толчком вошел в неё. Увидел, что она стиснула зубы, чтобы не закричать. Не отрывая глаз от ее лица, с силой погружался в ее лоно.

Я впился в ее губы поцелуем, её глаза обволокло туманом страсти, и они потемнели. Продолжал без усталости толкаться резкими глубокими толчками, трудясь над ее телом. Она отвечала, подмахивая бедрами.

— Артем!.. только не останавливайся. Я сейчас кончу.

Она старалась не исцарапать меня, хотя ей это не удавалось, а я не давал ей подняться. Все ее тело сотрясали сладострастные спазмы, пока я буквально вколачивал ее в матрас.

— Да! — торжествующе взвизгнула она. Последние судороги еще пробежали по её телу, но мышцы начали расслабляться.

Я дал ей отдохнуть несколько долгих секунд и снова с силой вошел в нее, и мой собственный оргазм накрыл остатки ее чувственного взрыва. Эви приподнялась и поймала

губами мой дрожащий стон, прорвавшийся сквозь стиснутые зубы. Бурно кончая в неё, я не замечал ее поцелуя, губы были слишком плотно сжаты. Но затем, без предупреждения, мой язык проник в ее рот, жадно и властно впиваясь в ее губы, кусая, засасывая. Она упала спиной на матрас, я последовал за ней, покрывая поцелуями ложбинку между грудями, спускаясь языком к пупку. Эви тяжело дышала, обессиленная, покорная, но я не отпускал ее. Мои губы блуждали по ее телу, боясь, что этот миг счастья скоро закончится.

Допрос с пристрастием

Артем

Они ворвались, когда мы совершенно этого не ожидали. Полусонные, разнеженные после секса, лежали в объятиях друг друга, мечтая о будущем. Наши тела ещё ощущали трепет вожделения и не были готовы к новым испытаниям.

Скинув с нас одеяло, двое охранников схватили меня за ноги, стащили с койки и, протаскив по полу до двери, рывком подняли за волосы.

— Что вам надо, вы получили, что хотели? — её попытка оттащить их от меня, не увенчалась успехом. Легко отпихнув любимую в сторону, длинный ублюдок одним ударом отключил моё сознание...

Я проснулся в полутемном кровавом подвале: кто-то обвязал лампочку красным платком, чтобы притушить свет. Маленькие зарешеченные окна, облепленные грязью и мухами, не нуждались в дополнительном затемнении, все равно, даже, если очень захотеть, снаружи ничего не разглядеть.

Мне нестерпимо хотелось облегчиться и я стал ерзать на деревянном стуле. Во рту кляп, так что единственное, что я мог делать, это мычать.

— О, крысеныш, очухался, — ко мне нетвердой походкой подошел длинный. — Хочешь что-то сказать? Наверное, извиниться, что напрасно прогонял нас черти куда? — его лицо было скрыто. Он стоял между мной и свисавшей с потолка лампочкой, слепившей глаза. Без предупреждения, сукин сын, ударил меня носком ботинка в голень и тут-же второй раз в то же место. — Не слышу тебя, сука! Кивни своей тупой башкой.

Боль сжала тисками так, что я едва не задохнулся, но нашел в себе силы кивнуть. Я понятия не имел, что им от меня надо. Я сказал все, что знал. Ничего не утаивая. Все честно.

— Парень хочет говорить, — из-за моей спины послышался голос борова, который уложил меня при попытке к бегству. — Послушаем. Надеюсь, у тебя интересные новости. В противном случае ты отправишься к родителям раньше, чем планировал.

Лампочка резко качнулась. На бетонных стенах заплясали дикие блики... Из рта вынули грязную тряпку, и я закашлялся. К горлу подступила тошнота, вызывая неприятные ощущения. Тогда на меня обрушился удар, на этот раз по колену. Я вздохнул и наклонился вперед. Мои конечности были крепко привязаны к стулу, лишая возможности двигаться.

— Только рыпнись, сука! И я вобью тебе зубы глубоко в глотку! Я научу тебя уважению! — орал длинный, брызгая слюной.

— Полегче, приятель. — Спокойно произнес боров. — Мы тебя внимательно слушаем. Что ты хотел нам сообщить?

— Мне нужно в сортир, — в наступившей тишине я отчетливо расслышал, как колотится мое сердце.

— Что!? Что ты сказал, сука!? — длинный наклонился, и я различил тень от его лица. На меня обрушился удар мощного кулака, который пришелся в угол глаза. По моему лицу

моментально поползла теплая струйка крови. — Продолжаешь упорствовать!? Ну, хорошо! — холодная вода окатила меня с головы до ног. Я затряс головой, но она успела проникнуть в нос, рот, и в этот момент ублюдок нанес сокрушающий удар прямо по моему переполненному мочевому пузырю. И еще раз, еще... Я вскрикнул и сдался, почувствовав, как теплая моча стала заполнять мои штаны. В тот момент я не испытывал стыда. Отвращение к себе? Да. Бешенство? Да. Ярость полыхала в груди. Я убью эту сволочь. Заставлю жрать свое собственное дерьмо! А, затем, подвешу за яйца и буду смотреть, как он корчится.

— Мне придется привести сюда твою милую подружку и как следует ее оприходовать. — Упоминание об Эви заставило меня стать посговорчивее, хотя я до сих пор не знал, чего от меня хотят.

— Что вам нужно? Я сказал, где доку... — Я не успел договорить, как дрожащий от бешенства охранник, ударил меня в висок. Голова загудела от боли. Перед глазами замерцала яркая вспышка. Я едва не прикусил язык, но не успел перевести дух, как последовала новая серия ударов по лицу. Левый глаз быстро наливался кровью, скоро он совсем закроется.

— Тогда, как ты объяснишь, мразь, что бумаг на месте не оказалось!? — заорал конченный охранник мне в лицо. — Я медленно покачал головой, отказываясь верить. Этого не может быть! Кровь затекла в рот и я автоматически сплюнул на пол.

— Я ничего не понимаю, — невнятно пробормотал и снова получил удары по голове, груди и в живот. Задохнувшись, сложился пополам, насколько позволяли связанные за спиной руки, и тихо застонал.

— Говори правду, сука, мне надоело с тобой возиться! Скажешь и я отведу тебя к твоей девке. — Потирая распухший и окровавленный кулак говорил садюга. — Я уже мало соображал, но заставил себя собраться. — Будешь сотрудничать?

— Я готов, но я не знаю... — Я зажмурился, готовясь к новому избиению. Когда его не последовало, я расслабился, лихорадочно соображая, как поступить, как вдруг меня потряс прямой удар в челюсть. Голова резко запрокинулась назад, а рот мгновенно наполнился кровью. Сплюнуть не было сил и вязкая жидкость просто стекала, заливая подбородок. Судорожно хватал воздух, пытаясь не захлебнуться. — Возможно, память меня подвела и никаких документов и в помине не было, — наконец, выдавил я.

— Сдается мне, ты пытаешься слиться с темы, — произнес боров, до этого момента скромно наблюдавший за моим избиением, что было странным. В последнюю нашу встречу, жестокостью от длинного ублюдка он не отличался. Что сейчас останавливает? Боится профессора? — Твое время истекает. Я спрошу еще раз. Куда ты дел эти чертовы бумаги?

— Я уже сказал, все, что помнил, — прошептал я.

— Твоя подстилка ничего. Как думаешь, разок даст мне, если хорошо попрошу? — бетонная стена спереди начала расплываться. От страха за Эви и собственной беспомощности к горлу подступил комок. Я замотал головой из стороны в сторону. Голова закружилась от этого движения и я снова застонал.

— Нам очень нужно, чтобы ты сказал правду. И всего то.

— Я сказал правду! — закричал я. — Сказал! — от нового удара я вместе со стулом повалился назад. Я дико взыл, придавив свои руки, связанные за спиной. И услышал хруст костей. От боли чуть не потерял сознание. Перед глазами замелькали воспоминания, когда более месяца назад, я точно также валялся, привязанный к стулу, с единственной разницей

— тогда был шанс и я им воспользовался.

— Думаю, пора сходить за девчонкой. — Я знал, что нам никто не поможет, но это уже не важно. Им приказано любыми путями выудить информацию и плевать, что информацией я не владею. Боров пнул меня в бок и добавил: — Все еще будешь отмалчиваться? — В горле что-то хрипело и булькало. — Переверни его, Серый, видишь задыхается. — Бетонный пол резко надвигался и мое лицо коснулось холодной плиты. — Тащи девку. Посмотри сюда, — боров указал на что-то за своей спиной, когда длинный удалился. Я прищурился. Левый глаз заплыл, пришлось напрячь правый: ведро воды, стоявшее на табурете, заставило меня похолодеть. — Что, обделался? — Он загоготал. — Догадался, что я придумал? Молодец! Хвалю!

— Вы ничего этим не добьетесь. Я сказал все! — с трудом, сквозь надсадный кашель, прохрипел я.

— О, поверь, мы добьемся! Возможно, не сразу, но, когда, каждый день, каждый чертов день, ты будешь скулить от боли, ты заговоришь. — говоря это, он поставил ногу на связанные онемевшие руки и придавил их тяжестью своего тела. Боли уже не чувствовал, хотелось лишь одного: тишины.

— Ну, что, не передумал? — его голос доносился как будто издалека...

— По-моему, он отрубился, — произнес, вошедший охранник. Голоса плыли над головой, пока я лежал на бетонном полу, прижавшись к нему щекой. Мне хотелось раствориться в этой прохладе, но, услышав громкие рыдания Эви, буквально, вырвал себя из объятий долгожданного покоя.

— Звери! Подонки! Сволочи! — Она кричала, лягалась, вгрызалась зубами в их руки, пытавшие ее схватить. Два здоровенных лба не могли справиться с хрупкой девочкой. Моей девочкой. Я улыбнулся сквозь разбитые губы. Детка, как же мне жаль!

Спустя секунду, улыбка сползла, оставляя место ужасу, сковавшему все тело. Боров ухитрился схватить Эви за шею и окунул в ведро с водой. Она хватала его за руки, пытаясь освободиться, но, эта сволочь держал крепко. Его мерзкий смех отдавался звоном в моих ушах.

Мне казалось, прошла целая вечность, прежде, чем он отбросил любимую на пол, заметив, что она перестала сопротивляться. Жадно глотая воздух, задыхаясь и отплевываясь, она продолжала с ненавистью смотреть на своего мучителя.

— Ты, дрянь, лучше спрячь глазки, или я их тебе повыкалываю. — Пригрозил боров, вызывая улыбку радостного предвкушения на роже своего напарника. — Я спрошу еще раз — где документы? Если хочешь говорить — кивни. И я кивнул. — Отлично! Я так и думал, что ты сдашься. А жаль! — он расстроено цокнул языком. — Серега, подними его! Я весь внимание!

С трудом держа голову ровно, я начал говорить. Говорить полную чушь, стараясь, хоть на время, оттянуть неизбежное. По мере моего рассказа их лица хмурились, пытаясь разгадать правдивость моих слов. Наконец, боров разгадал мой маневр и яростно зарывчав, бросился к Эви. Вытащив складной нож из кармана брюк, приставил его к лицу любимой, медленно приближаясь к глазу.

— Да что ты с ними церемонишься?! Кольни разок, чтоб он потек, сразу заговорят. Или отдай ее мне, я ей дырку хорошо разработаю. Хочешь меня?! длинный охранник глупо захихикал, поворачиваясь к Эви.

— Нельзя! — прошипел боров. — Док запретил пока ее трогать! Мне проблемы не

нужны. Прошлого раза мне вполне хватило, пока ты отлеживался в душевой.

— Конечно, запретил! Старый извращенец хочет оставить ее себе. — Обижено пробормотал длинный, с вожделием глядя на Эви. Меня затрясло от ненависти. Ненависти настолько сильной, что я готов был зубами рвать его, медленно отрывая куски мяса. Я спляшу на твоей могиле, ублюдок!

Раздался звонок на мобильник борова и он мгновенно ответил.

Слушаю, док. Нет, ещё держится. Девчонка в порядке. Да, хорошо, будет сделано.

Повернувшись к нам, с недовольной гримасой на его физиономии, боров дал понять, что наши мучения на сегодня закончены.

— Ну, что, голубки? Считайте, что вам крупно повезло — док сегодня в добром расположении духа.

План побега

Артем

Кисти рук опухли, боль была адской. Подставил их под струю ледяной воды в раковине. Улегся на койку, положив руки вдоль тела, чтобы обеспечить покой. Я не мог ими двигать, согнуть или разогнуть и пытаться не стоило. Эви пыталась помочь, чем-то перетянуть, но, при любом прикосновении мое лицо бледнело и от страха сделать хуже, она сдалась. От нервного перенапряжения любимая, практически, сразу уснула. Я еще долго смотрел в потолок, думая, как же нам выбраться из этого дерьма с наименьшими потерями.

Наутро, когда Эви еще спала, меня сопроводили в перевязочный кабинет. Молодая медсестра диагностировала закрытый перелом без смещения и наложила фиксирующую гипсовую повязку.

Я несколько раз предпринимал попытки заговорить с ней, но она, как воды в рот набрала. Где же этот чокнутый профессор набирает себе персонал? Кто и почему соглашается на такую безумную работу. Ведь, все они знают, что происходит за этими стенами! Чем он их держит? Шантаж? Возможно, они такие же пленники?

Девушка вышла в соседний кабинет за обезболивающими и мазями от множественных травм на моем лице, а я в это время бегло осмотрел кабинет в поисках какого-либо оружия. Кроме коробки с какими-то бутылками ничего стоящего не обнаружил, поэтому прихватил несколько штук и убрал в карман — на месте разберусь.

— Завтра я жду его на осмотре, — объявила она, после того, как обработала мои раны, вошедшему борову.

— Ждешь, значит будет, — ухмыльнулся он. — Правильно я говорю, а, Артем?

— Как скажете, — буркнул я.

— Верно сказано! Как скажу. — Довольно загоготал охранник. — Ну, что красотка, я сегодня ухожу со смены пораньше — сходим куда-нибудь?

— Мне надо работать. — Аккуратно отказав, отвернувшись, сосредоточено копошась в бумагах.

— Да, ладно тебе. Старика все равно нет — уехал на месяц на конференцию. Развеемся, соглашайся. — Не отставал он, продолжая склонять ее к свиданию.

— Мне надо работать, — снова последовал тот же ответ. Охранник недовольно нахмурился.

— Цену себе набиваешь? Думаешь, такая неотразимая?

— Я ничего не думаю! — воскликнула медсестра. — Профессор запрещает какие-либо

отношения на работе и, я не намерена поступать против его воли! Если вы не прекратите настаивать, я буду вынуждена...

— Понял я, понял, можешь не продолжать. — Перебил он и перевел взгляд на меня. — Ну, что, пацан, можешь пока радоваться. Целый месяц будете жить, как в санатории: прогулки, лечение, комплексные обеды, полноценный сон. О вас велено заботиться, как о дорогих гостях. Понял, да? Я должен буду прыгать на цырлах перед вами, как мартышка, и мило улыбаться, чтобы поднять настроение. Прикинь?! — его раздраженный тон говорил сам за себя. Ему это не нравилось и он отыграется, когда придет время. — Поднимайся! Пойдем будить спящую красавицу. Скоро вам принесут пожрать, — снова мерзкий смех. Его забавляли неуместные шуточки, которыми он меня одаривал. Чучело!

☆☆☆☆☆

Эви уже проснулась и, как только я вошел, сразу подбежала и посыпались вопросы.

— Где ты был? Тебя били? Неужели им мало того, что они уже сделали? — заметив перевязанные запястья и пластыри на лице, облегченно вздохнула, сообразив, что все в порядке. — Слава Богу, я уж не знала, что и думать! Думала... — всхлипывая, любимая, уткнулась носом мне в грудь. Я ласково погладил ее по голове, приговаривая, что все хорошо.

Пустил из крана холодную воду здоровой рукой и долго пил жадными глотками, будто израсходованная энергия иссушила меня до костей. В ожидании обещанного завтрака, молча сидели на койке, прижавшись друг к другу. Значит, профессор будет отсутствовать месяц. Целый месяц на то, чтобы продумать план побега. Достал из кармана бутылки и передал Эви.

— Прочти, что это. — Сам я не мог: один глаз полностью заплыл, второй еле видит — красные круги, затянутые пеленой.

— Артем! Зачем тебе это? Уж не хочешь ли ты... — Эви запнулась, нервно сглатывая. — Любимый, мы справимся! Все будет хорошо! Не нужно этого!

— Что это? — нетерпеливо спросил я.

— Это яд африканской гадюки! Что ты собрался делать?

Мои шестеренки медленно заработали. Что мне об этом известно? В малых дозах применяется для различных заболеваний. Оказывает противовоспалительное, обезболивающее, расслабляющее и укрепляющее действие. В малых дозах! А, если...

— Эви, детка! Мне кажется... - она, едва успела спрятать яд, как в палату вкатили тележку с едой.

Завтрак, на удивление, выглядел очень аппетитно. Несмотря на легкое недомогание и ноющую боль во всем теле, я почувствовал, как увеличилось слюноотделение. Мой аппетит разыгрался не на шутку. Видимо, Эви, тоже была в восторге — урчание ее желудка утвердил меня в этом.

Дымящийся омлет с золотистой корочкой, булочки, уже намазанные сливочным маслом, ломтики сыра и ветчины, красиво уложенные на тарелке, и две чашки какого-то напитка подняли настроение до необычайных высот. Блять! Как же давно мы не ели ничего подобного! Как давно, даже запаха нормальной пищи не чувствовали! Я боялся прикоснуться к такому великолепию. Было ощущение, что это очередная издевка наших охранников. Сейчас все заберут и начнут ржать, как ненормальные. Эви смотрела на меня, ожидая разрешения, наконец, отведать угощение. Я уже хотел было кивнуть, отвечая молчаливым согласием, но, подозрительный червячок моего сознания, все-таки, решил знать наверняка.

А вдруг...

— Надеюсь, эту пищу можно есть? Мышьяка там нет? — боров ухмыльнулся, похрустывая пальцами.

— Что, страшно?

Эви

Еда на самом деле была невероятно вкусной. С аппетитом прожевывая каждый кусочек, наблюдала краем глаза, как ест любимый. Его выражение, в котором отражалась боль, физическая боль, от каждого движения, и удовлетворение, что наступало вместе с утолением голода, отражало всю суть этого момента. С одной стороны, шанса на спасение, казалось бы, нет; с другой — целый месяц! Пауза в целый месяц, в котором не предвидится избиений, голодовки, и постоянного втаптывания в грязь, заставляла предвкушать надежду. Настолько мизерную, что о ней и говорить не стоит. Но, она есть. У нас двоих.

После сытной трапезы, нас отвели в душ. С болью во взгляде, подошла к Артёму, и стала раздевать его. Очень аккуратно, оттягивая ткань, чтобы она не касалась ран. Сейчас, любимый почти не видел, из-за отечности. Чтобы уловить силуэты предметов, приходилось напрягать глаза, что приносило ещё больше боли. Однако, мне казалось, он нарочно старался не встречаться со мной взглядом, чтобы не видеть в моём сожаление, или... Жалость. Для него, быть настолько бессильным, — я даже представить не могу, насколько это сложно. Чувствовать ответственность не только за себя, но и не иметь возможности помочь мне. Он не понимал, что мне не нужно спасение... Мне ничего не нужно, если его не будет рядом!

Приподнял голову, чтобы я могла снять рубашку. И замер... Прищурился. Он что-то заметил, и я проследила за его взглядом.

— Смотри! — Шепнул, с восторгом в голосе. Я не сразу поняла, что так обрадовало Артёма, потому непонимающе пожала плечами. — Это же вентиляционная шахта!

Действительно! На почве постоянного стресса, голова совсем разучилась соображать. Как же мы ее раньше не заметили?!

— Чёрт! — Съезжился, когда попытался дотянуться рукой до решётки; с его ранами даже просто передвигаться было большой проблемой. Не то, что лезть в узкий проход на потолке.

— Всё в порядке! Эви справится! — Попыталась его успокоить, и стала искать что-то, что может послужить подставкой, способной выдержать мой вес. Думаю, сейчас меня едва-ли пятьдесят наберётся, так что, сгодится практически всё, что угодно, устойчивее картонной коробки.

На глаза попала корзина для белья. Подвинула ее, и установила под отверстием. Заметив обеспокоенный вид любимого, подошла к нему, и обхватила ладонями лицо.

— Я буду в порядке! Обещаю. В любом случае, мне будет легче пробраться по узким проходам, чем тебе. Совсем скоро я вернусь... Нужно выяснить, куда ведёт выход. — Любимый сжал мои руки напоследок, и, нехотя, все же отпустил. — Жди!

Наконец, мне предоставилась возможность что-то сделать. Хоть что-нибудь, что может поспособствовать нашему спасению. Не без труда вскарабкалась на высокую корзину, и встала на носочки, чтобы достать руками до решётки. Благо, снять её было совсем не сложно. Не мы одни не заметили, что здесь есть, где улизнуть. Напрягла всё тело, и подтянулась. Никогда не была спортивной, но, человек способен на многое, когда речь идёт о спасении. Опять же, поспособствовал небольшой вес.

Проникла в проём, и уже спустя несколько секунд, целиком находилась в тёмном, тесном лабиринте. В кармане была пачка спичек. Чистая случайность... В тех условиях, в

которых мы оказались, складировать вещи про запас. Мало ли, понадобится. И, когда на кухне коробок попался на глаза, я его стащила. Оказалось, не зря.

Подпаливала по одной спичке, чтобы иметь возможность видеть, хоть на пол метра вперёд. Это путешествие, однозначно, не войдёт в список любимых. Тьма и сырость, скрежет грызунов, и очень узкое расстояние между стенками. Но, я уверенно двигалась, словно одержимая этим шансом на побег.

Не знаю, сколько прошло времени. Может быть, минут пятнадцать, может быть, пол часа, но... Впереди показался свет! Чуть не завизжала от радости! Наконец, добралась! Единственный источник огня расходовала крайне экономно, потому, его будет достаточно, чтобы добраться обратно. Подползла вплотную к решётке. Попыталась протолкнуть ее, но, здесь моих сил не хватит... Замок, конечно! Как предусмотрительно.

Но, это не главное. Главное — выяснить, что находится по ту сторону. Фокусируя взгляд, чтобы привыкнуть к солнечным лучам после темноты, стала всматриваться наружу... Дорога, аллея, остановка... Это не многолюдное место, но, с уверенностью можно было сказать одно! Эта шахта ведёт как раз за пределы здания! Получается... Мы нашли способ сбежать?

Попытка номер два

Артем

Молча слушал восторженные отзывы Эви о возможном шансе на побег. Там, за решеткой свобода...

Каждый день на протяжении месяца нас водили по одному и тому же маршруту: медпункт, столовая, душ, прогулка, палата, столовая, палата, прогулка, столовая, палата. И, каждый день мы прорабатывали детали. К концу третьей недели мои раны стали затягиваться, оставалось стащить что-нибудь, чем бы выбить замок и дело в шляпе. Пока такого случая не представилось — охранники строго следили за нами. Мы оставались наедине только в нашей палате и в душевой.

В душевой не было ничего, что могло бы помочь нам, а, вот в палате... Кроме кроватей в помещении ничего не было, но, кровати были железные. Спинка каждой состояла из металлических спиц диаметром меньше мизинца, то, что надо. Несколько дней я пытался выдернуть хоть одну из них, но все было тщетно. Я заметил, что они не были приварены и не оставлял попыток. Наконец, одна, слегка поддалась, когда я надавил вверх. Еще немного усилий и железка оказалась у меня в руках. Эви запрыгала от радости, что придало мне сил. Я почувствовал себя героем, рыцарем, спасшим красавицу от лап чудовища.

— Получилось! У тебя получилось, любимый! — Целуя меня в макушку, ликовала она.

— Завтра, детка. Завтра, мы сделаем это! Одно плохо... — задумчиво произнес я, пряча спицу под матрац.

— Что? О чем ты? — Непонимающе спросила Эви.

— Профессор! Он еще жив! — со злобой прошептал, борясь с диким желанием послать все к черту, пока он не испустит свой последний вздох. — А как же наша задумка? Мы же все продумали! Мы почти месяц готовились к его возвращению! У нас есть план его убийства и мы просто подарим ему жизнь, чтобы он и дальше проводил свои мерзкие эксперименты над людьми?

— Артем! Разве это так важно, когда на кону стоят наши жизни? Нам надо выбраться отсюда, а потом мы что-нибудь придумаем.

— Наверное, ты права. Меня просто коробит от одной мысли о том, что ему все сойдет с рук. Ведь, наверняка, как только о нашем побеге станет известно, он обезопасит себя, приведет здесь все в надлежащий вид, скроет все доказательства! А нас посадят в дурку! Это в лучшем случае! Завтра, — наконец, повторил я, взяв ее за руки, завтра, мы сделаем это.

Подвел к зеркалу в полный рост, висевшее на стене. Эви вздрогнула, увидев себя. Балахон, скрывающий ее точеную фигурку, темные круги под глазами, волосы, спутавшиеся в беспорядке. Она закрыла глаза. Я смотрел на нее через плечо и видел все как внутри нее, так и снаружи. Моя рука уже ласкала ее живот под рубашкой.

— Люблю тебя, детка. — Тихо шептал я, стягивая одежду с плеч, которая упала на пол. Губы коснулись ее затылка, и Эви придвинулась ближе. Прерывисто задышала, когда я принялся поглаживать ее соски. Пальцы скользнули ниже, ласково касаясь лобка. Она откинулась назад и наткнулась на мощную эрекцию — в спину ей уперся восставший член. Любимая попыталась обернуться, когда большой палец нашел ее клитор и уверенно задвигался взад и вперед.

— Обними меня и открой глаза.

Она обвила руками мою шею. Я чувствовал, как тяжелеют и наливаются желанием ее груди, натягивая рубашку. Ноги раздвинулись, бедра выгнулись, а изо рта вырывалось "дааа". Палец скользнул внутрь, на мгновение проник глубже и, тут же, я его вынул. Она разочарованно застонала. Язык проник в ее ухо, горячее и влажное, заставив ее задрожать. Часто задышав, любимая открыла глаза. Мой палец вновь глубоко погрузился в нее и властно задвигался туда и обратно. Эви прогнулась и закусил губу, с трудом дыша, вся подалась ко мне. Я поглаживал ее быстрее и сильнее, клитор набух и истекал соками наслаждения.

— Ты чертовски сексуальна. Я сейчас кончу, просто смотря на тебя.

Стоило ей это услышать, как она вся задрожала, забила в моих руках, не громко постанывая. Крепко держалась за меня, вцепившись пальцами в мои волосы. Но я не отпускал ее, продолжая удерживать руку внутри, наслаждаясь её оргазмом.

Она засунула руку в мои штаны и тронула гладкий, затвердевший член.

— Эви! — я отступил назад и наткнулся на койку.

Она улыбнулась, села на колени и запечатлела поцелуй на моем животе, стаскивая с меня штаны до самых колен.

— Деткаа. — Ее обнаженные груди терлись о мои бедра, подняв руки, неуверенно схватила член, который дернулся под ее пальцами. Удерживая ствол обеими руками, она обхватила губами головку и лизнула ее. Я вздрогнул всем телом. Она снова лизнула. Я коленями обхватил ее плечи. Облизывание головки сменилось чувственным отсосом. — Девочка моя! — мой голос дрогнул, и я пальцами вцепился в металлическую спинку кровати, чтобы удержаться на ногах. Отчаяние, прозвучавшее в моём голосе, развеселило ее. Ведь она знала, что я не любил сидеть на месте пассажира, предпочитал рулить сам. Её затвердевшие соски приятно тёрлись о мои бедра. Она подняла на меня взгляд, не переставая обрабатывать языком мой ствол. Мои глаза были закрыты, рот сжался в тонкую линию, мускулы на руке вздулись.

Я хрипло стонал в предвкушении оргазма, Эви прижималась ко мне, ласкала мошонку и бедра. Сильнейшее, жгучее желание нарастало, рвалось наружу, член пульсировал. Я ощущал головкой её дрожащее горло. Вдруг, она громко застонала, на мгновение перестав сосать и прижалась к моей ноге. Оттянул ее голову назад, так чтобы она могла смотреть мне прямо в глаза. Жар страсти в её подернутом дымкой взгляде ещё больше распалил меня. Я был готов

войти в нее быстро, резко и немедленно.

— Поднимайся.

— Ладно, — прошептала она, в последний раз целуя головку члена. Я дернулся от нее, настойчиво потянув за руку.

Эви с трудом встала, дрожа всем телом, и ухватила за моё плечо, чтобы удержать равновесие. Я уложил ее на кровать и засунул палец между ног. Ещё один. Она поджала пальцы на ногах, пытаясь сдержать стон. Пальцы продолжали своё увлекательное занятие, а я засосал в рот её сосок. Нагнулся и впился зубами в ее нежную попку, она взвизгнула в восторге.

Всё было задвинуто в дальний угол моего сознания.

Мне хотелось обнять её, прижать к себе и ласкать ее голую задницу. Терзать. Сжимать до отметин. Хотелось ощутить жар ее лона. Её пытливые пальчики успокаивающе сжали мою руку. Пряди ее волос прошлись по моему плечу, а подбородок уткнулся в грудь.

Короткое прерывистое дыхание эхом отдавалось у меня в груди. Поцеловала один за другим кончики моих пальцев, чуть задержавшись на двух поврежденных. Здесь и сейчас я поверил в наше будущее. Я на мгновение зажмурился, стиснув зубы.

Всхищенно смотрел на нее, абсолютно голую, обворожительную, отбросившую все запреты и комплексы, заботливо склонившуюся надо мной. Она нагнулась и провела влажным языком по неровному пупырчатому шраму. Казалось, моё сердце готово было выскочить из груди. Прикосновение языка не было жалостливым или успокаивающим, а чувственным и возбуждающим — ласка женщины, желающей познать каждый уголок тела своего мужчины. Я притянул ее к себе, обнимал, но не слишком плотно. Она рывком подалась вперед, ее груди распластались на моей груди, а торчащий член уютно устроился между ее аппетитных ножек. Сердце работало как машина, учащенное прерывистое дыхание перемежалось затяжными, томными вздохами.

Пальцы сновали по ее гладкой коже. Мне хотелось лишь поглаживать, ласкать и любить её, уйти с ней туда, где она будет принадлежать мне. Мне одному. Туда, где мы будем счастливы.

— Ты само совершенство, — шептал я ей, щекоча губами розовую мочку уха. Опрокинув ее на постель, стоял рядом, крепко удерживая ее, затем нагнулся и нежно поцеловал ее пухлые сочные губы, излив в поцелуе все свои переживания и разочарования, всю полноту своих чувств.

— О-о! — застонала она, запустив пятерню в мою волосы.

Эви стала для меня чем-то большим, оказалась совсем не похожей на других, просто лучом света в окружавшей меня тьме. Я наклонился, чуть подтолкнул ее и нежно прижал. В результате она оказалась на постели, широко раскинув ноги.

Я тяжело дышал, глядя на неё, её щеки покраснелись, распахнутые глаза горели желанием. В жизни не встречал более прекрасной девушки.

— Я никогда еще не испытывал ничего подобного, — пробормотал я, зарывшись лицом в ее лоно. Тогда Эви притянула меня за волосы ближе к себе. Она выгибалась от наслаждения, извивалась и дергалась. Я прошелся языком по промежности и решил слегка подразнить её, целуя кожу рядом с влагалищем, не касаясь его. Любимая за волосы властно притянула обратно. Комната была погружена в тишину, простыни прохладны, мой взгляд сфокусирован на одной точке. Ноздри заполнил терпкий аромат ее влажной плоти...

Мы совсем недавно проснулись, ожидая появления охранников. Сегодня все должно пройти гладко. Договорились не провоцировать, не грубить и, даже, не смотреть без необходимости в их сторону. Не хватало ещё, чтобы, именно, сегодня, по какой-то причине, нас не допустили в душевую. Это будет не просто невезение. Это будет полное фиаско.

— Так, так, голубки! — воскликнул длинный. — Здесь пахнет сексом. Вы чё трахались что-ли?! Во дают! — обратился к борову. — Глянь на них, ничего их не берет, всё ни почём! Ничего! Профессор вернулся, сейчас вам будет не до этого, — длинный довольно загоготал, открывая перед нами дверь с издевательским поклоном.

У меня сердце в отчаянии забилось о грудную клетку, отказываясь верить, что наши планы могут быть нарушены. Почувствовал, как напряглась Эви от этой новости и успокаивающе сжал ее руку.

Из столовой мы вышли немного приободренные. Его приезд ничего не изменит, если все будет по обычному распорядку. Шедшие впереди охранники закрывали обзор, поэтому, приближение профессора мы не заметили, поглощённые в свои мысли. Лишь, когда он поприветствовал нас, мы обратили на него внимание.

— Артем, Эвелина, доброе утро! Очень рад вас видеть! — радушно раскинул руки, как обожавший нас родственник. Какая актерская игра! Ему бы Оскара! Сукин сын! Сдохни, мразь! — Как ваши дела, дорогие мои?!

— У нас все отлично! — стараясь ничем не выдать своё отвращение, произнес я.

— Ну и славненько! Сейчас, на сколько я знаю, по расписанию у вас душ. — Повернулся к длинному, ожидая подтверждения. Тот кивнул. — После, приведи ребят ко мне, Сергей. — Приказал, и не прощаясь двинулся дальше по коридору.

Я залез первым, а Эви, ухватившись за мою ногу, легко вскарабкалась наверх. Мы ползли друг за другом, как могли быстро, в любой момент опасаясь погони. Добравшись до решетки, я остановился, достал из-за пазухи металлическую спицу и в несколько минут сломал миниатюрный замок. Откинув ее в сторону, вздохнул полной грудью, вбирая как можно больше свежего воздуха. Я спустился на землю и повернулся к Эви, протягивая руки. Её голова показалась в проёме: волосы в беспорядке, по лицу стекают бисеринки пота, а в глазах невыразимый восторг...

Надежда

Виктор Степанович Брусникин

Просмотрев документы, которые пестрили непонятными нам формулами и цифрами, долго думали, что с ними делать. Как помочь ребятам! Единственное, что мы подчерпнули полезного — это имя коллеги по экспериментам. Имя довольно известное в медицинских кругах. Имеет и должность и звание и ученую степень!

Никто из моих коллег не мог похвастаться такими достижениями. Он не просто кандидат с ученой степенью, когда ты можешь работать преподавателем в высшем учебном заведении или получать надбавку к зарплате, этот человек профессор. Ученый!

Написал докторскую диссертацию самостоятельно без научного руководителя. Преподавал какое-то время в университете, за что и получил ученую степень. Затем, стал доцентом, благодаря своей научной деятельности. У него было более пятидесяти статей, опубликованных и рецензируемых! Три учебно-методические работы и пять научных по

специальности нейрохирургия. Также, он издал учебник по медицине со своим именем. Не соавторство! А это невероятно! Работал научным руководителем, готовил аспирантов, которые с успехом защитились и официально трудоустроены в различных университетах.

Что удивительно!?! Не важно, сколько у тебя достижений, ученый совет в праве отказать кандидату наук в получении звания. Именно так, в первое обращение и происходит, но, наш профессор с первого раза получил разрешение. Он награжден Министерством высшего образования и науки за вклад в медицину. Все преимущества и льготы профессора получают до конца своей жизни.

— Даа, — расстроено посмотрел на Ольгу, — думаю помочь ребятам будет сложно. У нас нет доказательств против такой личности. Мы, хоть и не совсем простые люди в медицине, но, учитывая, как легко он смог упечь меня в сумасшедший дом, он на многое способен. Да, и наше слово против его — ничтожно. — Начиная злиться, я понимал, что, чем больше мы узнаем, тем меньше наши шансы.

— Виктор! Успокойтесь! Ситуация критическая, но не безвыходная. Послушайте! — ее уверенность и задумчивое выражение лица вселило в меня надежду и я уселся в предложенное кресло. Уже несколько дней, как мы находимся у женщины на даче, пытаюсь разгадать слабые стороны профессора, но, пока не пришли ни к каким более менее утешительным результатам. — У любой известной личности есть враги. Конкуренция везде. — Я начинал понимать куда она клонит.

— Вы хотите сказать, что нам нужно найти профессора, который обладает завистью. Завистью настолько сильной, чтобы заинтересоваться бумагами и явить желание спустить его с небес на землю. А не случится так, что он захочет забрать себе все эти формулы?

— Возможно, но, сначала он поможет нам скинуть этого недоученого с пьедестала и вернуть подросткам их жизни. И, как мне кажется, любой другой ученый воспользуется этими знаниями более гуманно.

— Хорошо. Так где нам найти такого человека?

— Положитесь на меня, Виктор. — Улыбнулась коллега.

Ольга

Я нашла через знакомых врача, который занимался похожими исследованиями. И не просто врача, профессра, которого обошел наш псих. Тема его докторской диссертации была связана со столовыми клетками, что нам ничего не говорило. В его названии мы мало что понимали, а вот этот профессор должен был смыслить. Выйдя с ним на связь, я долго не могла договориться о встрече с профессором: он постоянно откладывал нашу встречу мотивируя то занятостью, то срывами эксперимента, которые он проводит. У меня не осталось выбора, как отправить ему часть материала и разработок на электронную почту, после чего профессор сразу согласился. Его явно заинтересовали разработки, которые мы предоставили и это был наш шанс, и мы обязаны были им воспользоваться. Назначив встречу у себя в лаборатории, профессор в нетерпении расхаживал по кабинету. Встретил он нас с распростёртыми объятиями.

— Здравствуйте, профессор. Наконец-то мы с вами встретились, — мы зашли с Виктором Степановичем в кабинет, и присели на диванчик. В кабинете было стерильно, белые стены, мебель, мы словно попали в рай, но очень специфический. Все было настолько белым, что резало глаз, но я стойчески терпела, потому что нам нужна была информация.

Мы хоть и были врачами, но являлись психиатрами, а не нейрохирургами. И все эти

непонятные слова и формулы ввергали в прострацию и приводили к головной боли. Нам нужен был этот профессор. И выбирая из двух зол, кому отдать документы, понятное дело, что лучше этому профессору, чем помешанному психопату. Мы были готовы к такому повороту событий. Нам нужно найти детей и наказать чудовище.

— Прошу прощения за отказы о встрече, у меня симпозиум на носу, а мои эксперименты летят в тартарары. Но ваши документы меня повергли в некий шок, потому что это прорыв в нейрохирургии. Я бы с радостью просмотрел ваши документы, но сначала бы послушал, как они попали к вам в руки.

— Да, конечно все с нами, — когда профессор просматривал документы, в которых хранилась вся имеющаяся информация о Хирургическом лечении гипертензивных гематом мозжечка посредством электромагнитных импульсов, профессор был просто в восторге от этой части документов. Он с упоением просматривал их, чуть ли не капая слюной.

— Видите ли, повреждения мозжечка влияют на координацию, равновесие и мышечный тонус, ну вы должны это знать. У позвоночных, обладающих корой больших полушарий, мозжечок представляет собой функциональное ответвление главной оси, он получает постоянный поток нервных импульсов, который поступает в центральную нервную систему от органов чувств, которые воспринимают информацию от внешних раздражителей. И судя по этим записям, что я сейчас просматриваю, электромагнитные импульсы, которые влияют непосредственно на мозжечок, влекут некоторые изменения. Геморрагические инсульты излечиваются очень легко и безболезненно. Если же идёт влияние эфферентное от двигательных центров коры полушарий к спинному мозгу, то координация даже не теряется и пациент может с лёгкостью переносить любые нагрузки на мозжечок, посредством правильно подобранных импульсов. Это будет зависеть от параметров пациента. Сопоставляя первое и второе, кора мозжечка может рассчитывать ошибку, о которой сообщает в двигательные центры. Так мозжечок непрерывно корректирует, как произвольные, так и автоматические движения. — Рассказывая, он просто упивался этим открытием. — В последние десятилетия было обнаружено участие мозжечка и в процессах высшей нервной деятельности: накопления опыта, памяти, мышления. Из этих документов следует, что если правильно подобрать электромагнитные импульсы, а точнее терагерцевое излучение, спектр частот, который расположен между инфракрасным и микроволновым диапазонами, то мозжечок может контролировать даже сознание! Это просто невероятно! — воскликнул профессор, потирая переносицу. — И по сути, можно будет управлять человеком, будто марионеткой. Это очень серьёзные исследования и явный прорыв в нейрохирургии. И если в действительности проводились эксперименты над людьми, как тут написано, то стоит опасаться этого человека. Я знаю его со слов других профессоров. И помню какой-то конфликт, который произошёл между этими людьми. Тогда гремело это резонансное дело, но после убийства одного из ученых все быстро замялось, будто, ничего и не было. Документы так и не нашли и дело осталось не расследованным.

— Вы поможете нам? — нетерпеливо спросил Виктор Степанович. Было видно, что его мало интересуют сами исследования, ему важны, лишь, подростки.

— Через несколько недель я уезжаю на симпозиум, который собирает всех именитых нейрохирургов. Думаю и наш общий знакомый там будет. Я постараюсь помочь вам накопить информацию, но попрошу оставить эти документы мне. Чтобы я мог исследовать их и понять саму суть.

— Да, конечно мы оставим... — я специально сделала паузу, придавая значимости

своим словам, — но, только часть, большую часть, — добавила, заметив его нахмуренный взгляд.

Прошёл целый месяц, прежде, чем нам позвонил ученый и договорился о встрече. Признаться честно, мы потеряли надежду, разыскивая Артема и Эви. Все было безрезультатно, они будто сквозь землю провалились.

— Друзья мои, я рад вас видеть. Присаживайтесь. У меня много интересного для вас накопилось. Во-первых, на счёт исследований: все исследования оправдали себя, это действительно работает. И, мне бы хотелось, с вашего позволения, и дальше следить за развитием событий, — замолчал и начал пристально наблюдать за нами. Мы уже обсуждали это с Виктором Степановичем и пришли к обоюдному мнению, что лучше пусть он, чем этот психопат.

— Мы оставим вам эти бумаги, они нас не интересуют, нам главное найти детей и спасти их из рук этого социопата.

— Отлично, вот и хорошо! Во-вторых. Наш знакомый был на симпозиуме и я случайно стал свидетелем его разговора по телефону. Он нервничает, что не может достать документы. И психует, что мальчик ничего не знает и не даёт ему никакой информации. Но своим людям он строго настрого запрещает трогать хоть пальцем этих детей, можете быть спокойны. Я знаю, что у него есть клиника, здесь неподалёку есть вероятность, что он держит их там, но опять же, я не могу точно утверждать.

— А вы нам подскажите адрес клиники, где могут, находятся дети? — с надеждой в голосе проговорил Виктор Степанович. Я понимала, что он чувствовал свою вину за детей, но что он мог поделать в сложившейся ситуации? Этот человек обладает неограниченной властью, а мы всего лишь пешки, которые мешаются под ногами. Всего лишь ступенька в его махинациях и коварных планах. И мы практически бессильны в этой игре.

— Конечно, вот держите адрес, я приготовил вам его, но лучше бы вы отправились туда в качестве врача, который ищет работу.

Выйдя из кабинета мы были слегка дезориентированы. Не зная что делать, решили направиться к клинике, просто посмотреть, что она собой представляет. Не дойдя до самой клиники, издалека мы увидели, как кто-то вылезает из вентиляционной шахты. Это были наши дети: Артём и Эви, не успели они спуститься на землю, как их тут же скрутили какие-то амбалы и волоком потянули к открытой двери...

Профессор

Всю свою осознанную жизнь я лелеял мечту о Нобелевской премии в области нейрохирургии. Вместе с коллегой начав труд по достижению своей цели, я упивался тем, что всё идёт гладко. Я обожал его ум, стремление к чему-то большему. Он был, как и я, молод и полон сил. Горяч...

Вспоминая наши попойки, а затем и сумасшедший секс, до сих пор в паху все млеет. Мы любили друг друга. Все было прекрасно, пока он не решил, что ему требуется прикрытие в виде жены. Я сходил с ума от ревности, хотя друг и говорил, что делает с ней это редко. Мы также продолжали свои игрища, но я и предположить не мог, что дома он выстроил целую лабораторию и занимается экспериментами отдельно от меня. Он водил меня за нос все это время. Злился на себя, на него, бешенство накрыло с головой и я, не помня себя, пошёл на убийство. Изначально, убийство я не планировал, хотел лишь поговорить, но появилась его жёнушка и меня переклинило. В тот день я был настоящим зверем. Рвал на куски обоих,

меня еле остановили мои люди. Только, всё стало только запутаннее: все чертежи и формулы надёжно спрятаны и помочь мне сможет только его сын. И чтобы добиться своего, я пойду на многое. Даже, если на моем пути встанет несговорчивый мальчишка, которому есть что терять...

Я перепробовал кучу вариантов, чтобы он заговорил, но засранец ещё держится. Ничего! Я порву его задницу на британский флаг! Посмотрим, как он запоёт!

На конференции не переставая думал, как поймею его сладкую попку. Он ещё мне спасибо скажет. За месяц моего отсутствия все расслабились, я им устрою бег с препятствиями. И что-то больно уж они спокойны. Встретив их в коридоре, пригласил к себе, но все мое существо кричит, что эти гаденыши что-то задумали.

— Сергей! — вызвал к себе недоделка. Умом не блещет прощельга, но приказы выполняет исправно. И дырка его меня радует. Потрахиваю его изредка, снимая напряжение.

— Да, док? — Сергей постучал в дверь и сразу же вошёл.

— Как себя вели наши пленники ты мне рассказывал, а больше ничего за ними не замечал? Может слышал чего? — он глупо замотал своей тупенькой головкой. Ну, конечно, другого я и не ожидал! — А мне кажется, они что-то задумали! Они в душевой ведь, так?

— Да, пятнадцать минут как.

— Пойдем-ка потрем им спинку. — Я улыбнулся, представляя их лица. На девчонку мне плевать, а вот на парня я бы с удовольствием поглазел.

Пока шел по коридору, заметил, что неосознанно увеличиваю скорость. Что-то подгоняло, а моя интуиция редко подводила.

— Быстрее, Сергей! Беги, проверь их! — толкнул его в спину, прикрикнув. Он спеша исполнить приказ, умчался вперёд. Не успел я дойти до поворота к душевой, как он вернулся, покрывшись красными пятнами.

— Что?! — вымолвил я еле шевеля вмиг пересохшими губами.

— Их нет! Сбежали, суки! — заорал он.

— Куда ведёт эта шахта? — сразу оценил ситуацию, как только вошёл и увидел открытый люк. Меня сейчас интересует только конец их вылазки.

— Как куда?! На улицу. — Я в бешенстве повернулся к нему и отвесил пощёчину.

— Куда, именно, придурок?!

— Она ведёт за территорию клиники. Я знаю где.

— Бери напарника и пошли.

Мы торопливо вышли за ворота. Я боялся опоздать. Не дай Бог им удастся выбраться! Сколько же дел они наворотят! Они же мне дело всей моей жизни запорят! Ну, уж нет! Я их из-под земли достану! Думаю, так далеко мне лезть не придется, маленькие гаденыши ещё под моим контролем. Видя, как парень помогает своей сопливой девчонке спуститься, ухмыльнулся, когда она подняла на меня глаза и прикрыла рот рукой. Артем медленно повернулся.

— Не стоит пытаться ребятки! Не советую! — приказал я. Махнул своим парням и они, схватив обоих под руки, повели обратно. — Вы забыли попрощаться! Разве так поступают гости по отношению к гостеприимному хозяину? Разве так благодарят за хорошее отношение? Вам видно нравится, когда вас мучают, раз решились на побег? — засранцы продолжали идти молча. Правильно! Что они могут сказать?! — Сергей! Эвелину в палату, а парня в клетку и на солнцепёк. Пригласи кого-то, пусть поставят камеры. Значит так, ребятки. — Решил сразу ознакомить их с новыми условиями проживания. — В вашей

комнате повесят камеры, разговоры отменяются. Услышу хоть звук, последует наказание. Днём, ты, Артем, будешь проводить время, загорая на солнышке. Ты, Эвелина, — повернулся к ней и пригрозил пальцем, как непослушному ребенку, — будешь помогать мне. И, никаких возражений! Иначе... Все верно. Вы правильно меня поняли. Последует наказание. — Сергей, как только справишься, зайди ко мне.

☆☆☆☆☆

Я провел ладонью по его теплой груди и плоскому животу. Этот поджарый охранник возбуждал меня. Прижался ближе так, что между нами не осталось пустого пространства. Моя рука, сжимавшая толстый член Сергея оказалась зажатой нашими телами. Его орган стоял колом и мощно пульсировал в руках. Движения стали быстрее и настойчивее. Член стал влажным от смазки. Голова уже кружилась от возбуждения. Принялись неистово целоваться, гладили друг друга руками, крепко сжимая за ягодицы и толкая на себя, чтобы получить больше удовольствия.

Положил руки на его плечи, надавливая. Сергей правильно понял намек и опустил на колени. Моя возбужденная головка блестела, а в следующий момент его губы сомкнулись на моем стволе. Член медленно погружался глубже и глубже. Открыв рот шире, проталкивал мое достоинство далеко в глотку. Быстро задвигался, упираясь до предела и вызывая на его глазах слезы. Я трахал его рот, страстно оттягивая за волосы. Мой член насильно растягивал его губы, а горячая головка терлась о язык и небо. Приказав ему подняться начали целоваться, играя языками. Двигал тазом, терся влажным членом о его живот. Завел ствол Сергею между ног и скользнул по возбужденной ложбинке между ягодиц. Гладил накаченную грудь и любовался его рельефным торсом. Как же приятно оказаться в крепких мужских объятиях. Именно этого мне и не доставало в сексе с женщиной. Мне нравилось уступать партнеру, позволять ему сделать все самостоятельно.

Я лег на столешницу грудью и раздвинул ягодицы, предлагая охраннику доставить мне удовольствие. Его язык оказался на моем анусе, расслабляя. Горячий шершавый сгусток нервных окончаний творил чудеса, возбуждая еще сильнее. Поднявшись, Сергей просунул сначала головку и начал медленно двигаться. Я тек от удовольствия, наслаждаясь приятным трением. Протянув руку, Сергей взял со стола лубрикант, смазал свой член и увлажнил меня сзади. Я прогнулся, почувствовав, как его пальцы двигаются взад и вперед. Мой член пульсировал. Жадно схватив меня за ягодицы, Сергей раздвинул их в стороны и снова уперся головкой в анус.

Я сторал от нетерпения, желая, чтобы он полностью заполнил меня. Наконец, головка проскользнула внутрь и толстый член проник глубже. Все внутри приятно засадило. Охранник медленно задвигался. Каждый толчок заставлял стонать. Наслаждение пересекалось с болью. Небывалое блаженство. Притянув меня ближе, заставил прогнуться в спине. Мял мои ягодицы, ускоряясь. Смазка с моего члена стекала прямо на пол. Я возбуждался все сильнее и сильнее. Я чувствовал, что скоро кончу, ощущая, как конец Сергея двигается внутри. Наслаждался движениями охранника, с ожесточением надрачивая свой член. Извиваясь, не прекращал стонать. Усилив напор он быстро и глубоко трахал меня в зад, с громкими шлепками ударяясь своими яйцами о мои.

Вынув ствол, перевернул меня на спину и положил ноги на плечи. Его широкая грудь вздымалась, сильные руки придерживали, возбужденно обдавая меня своим дыханием. Я видел наслаждение в его глазах, когда он снова вонзил в меня конец и принялся трахать с удвоенной силой. Сергей ухватился за мой член, вода ладонью вверх вниз. Я готов был

разрядиться в любую секунду. Ускоряя темп, охранник приближал нас обоих к оргазму. Долбил мой анус жестко, с размахом вгоняя член глубже. Мощно пульсируя в сильных руках охранника, мой конец наконец выстрелил, брызгая на грудь и лицо. Он затрясся от испытанного удовольствия, вынул ствол и спустил мне на живот.

☆☆☆☆☆

Я могу доверять только себе. Этим олухам ничего нельзя доверить, обязательно все испортят. Если бы не моя интуиция, возможно, ко мне бы уже пришли с проверкой. Да, я, лицо авторитетное, но и их слова со счетов не скинуть. Еще и эти врачи, которые неизвестно куда пропали. Тоже, что-то задумали, не иначе. Их разыскивает несколько человек, но пока никаких результатов. Мое сердце беспокойно, что-то от меня ускользает, не пойму что. И эксперименты не клеятся, формулы бывшего любовника мне просто необходимы.

На конференции, когда я представил свой новый доклад, меня неожиданно обогнал какой-то профессор. Правда, до меня ему далеко, его труды не отмечены наградами, но, то, что я не на первом месте и все лавры ему, здорово подпортило мне настроение. Ничего, вроде пока все неплохо: засранцы на месте, моя задница довольна, осталось установить систему видеонаблюдения и я могу быть спокоен.

Видеокамеры позволят мне осуществлять непрерывный контроль за пленниками, своевременно узнавать, если они что-то замыслият. Хотя... Не думаю, что они отважатся, я хорошенько их припугнул друг другом...

Мне понравилась сервисная задумка с поворотным и фиксированным креплением камер и помещению их в защитные кожухи, которые предохранят от неожиданностей. Установив несколько видеокамер с разных ракурсов, оборудовали специальный кабинет для серверов. Я в этом ничего не смыслил, но самолично проверил источники бесперебойного питания, роутеры, кронштейны. Все выглядело исправно.

Я посадил туда человечка, наказав докладывать незамедлительно, если заметит что-нибудь подозрительное.

Проверил девчонку, послушал ее вопли о том, какой я мерзавец. Расхохотался ей в лицо, когда она попыталась дорваться до меня, но, один из охранников жестко приструнил ее, бросив на кровать.

— С завтрашнего дня, Эвелина, ты моя помощница. Будешь девочкой на побегушках.

— И не подумаю! — воскликнула она, сжимая кулачки. Вот, глупышка! Она еще не поняла, что от нее ничего не зависит.

— Дорогая моя, ты же не хочешь, чтобы твоему любимому Артему сделали больно? Я так и думал, — усмехнулся, видя ее напуганный взгляд. — Значит, ты будешь вести себя пристойно?

— Буду! Я сделаю все, но запомни, мерзкая тварь — ты сгоришь в аду!

— Жду не дождусь этого часа!

Неведение

Артем

Когда закончится это полоса неудач? Сколько можно разочаровываться? Какое-то невезение или злой рок преследуют меня с самого детства. Из детства и идет все это дерьмо и непонятно, где конец.

Опять же, если говорить о детстве и последующем лечении, то маленькому мальчику нельзя поставить в вину все, что происходило. Затем, когда я стал взрослым человеком и сам

осмысленно принял решение похитить человека, пленить, мучать, то о каком снисхождении может идти речь? Я сам покалечил свою жизнь и жизнь Эви. И сейчас, она расплачивается за ошибки моих родителей. За что ей все это? Я лишил ее всего, что должно происходить с молоденькой девушкой. Лишил ее счастья, заставил полюбить. Конечно, я несказанно рад этому, но все было насильно, против ее воли.

Еще неизвестно, где ей было хуже: здесь или когда ее унижали и насиловали, держали на цепи и всячески измывались. Где та грань?

Мы год провели в клинике, пытаюсь восстановиться и, когда счастье было уже у нас в руках, все накрылось медным тазом. Сказать, что я искупил свою вину перед ней, я не могу, нельзя полностью оправдаться. Но, решение быть со мной она приняла сама. Осознанно. И я не могу подвести ее. Я должен найти способ выбраться отсюда. Должен...

Сидя на цепи это проблематично, но дает время подумать и почувствовать себя в ее шкуре. Уже несколько дней с утра меня приводят на солнцепек, приковывают, выпуская на пару часов, — облегчиться и кинуть объедки с барского стола, чтобы не сдох преждевременно. Есть не очень хотелось, но я заталкивал в себя пищу насильно, чтобы иметь силы. А, вот, воду я пил захлеб, не боясь подавиться.

Везде повесили камеры, даже в нашей палате, запретив разговаривать, иначе, одному из нас навредят. Ни я ни Эви не могли позволить этому случиться, поэтому, как только меня приводили, мы ложились на соседние кровати и долго смотрели друг на друга. Молча, без единого слова, пока сон не забирал нас в свои объятия. Обычно, Эви засыпала первой, а я еще долго поглядывал в потолок, думая, как же выбраться из этого кошмара.

Каждый день, сидя на заднем двореке клиники, я наблюдал любимую в кабинете профессора. Я понятия не имел, что она там делала и, что задумал этот псих. Спросить не мог, оставалось просто ждать и надеяться, что он специально выводит меня на эмоции, не причиняя ей вреда. Эви не выглядела измученной, поэтому, я успокаивал себя тем, что это его очередная игра.

Неудавшийся побег, немного подкосил меня. Мне казалось, что надежда потеряна. А, теперь, с видеокамерами и тем, что мы практически, не видимся, мечты о побеге становятся несбыточными. Я понимаю, что держать меня вечно здесь не будут, но от этого не становилось легче. Чокнутый профессор придумает что-нибудь похлеще. Наверняка сейчас раздумывает над очередным издевательством и способом отмщения.

На четвертый день меня посетил профессор. Настроение его было ни к черту. Он на повышенных тонах, — что было удивительным, он предпочитал спокойную самоуверенность, — озвучил мне, что некие докторишки ставят ему палки в колеса. Я сразу подумал о докторе Брусникине. Неужели он разыскивает нас и пытается помочь?! Это было просто невероятным... хотя, этот милый человек уже доказал, что ему не чуждо чужое горе. Всегда выручал. И меня спас. И Эви. Отзывчивый человек. Только сможет ли он что-то поставить в противовес этому психу, который стоял напротив меня и изрыгал проклятия в адрес всего человечества и в мой в том числе.

В голове мелькнула догадка: раз документы найдены не были, возможно ли, что доктор Брусникин взял на себя смелость разобраться в этом деле!? Если так, то для нас с Эви еще не все потеряно. И, учитывая, как плюется ядом профессор, ему удастся неплохо поиграть на его нервах. На лице промелькнула еле заметная улыбка, но, этого оказалось достаточно, чтобы псих схватил меня за грудки и хорошенько встряхнул. Конечно, падла, силен! Удобно, когда тебе ответить не могут!? Герой, сука! Посмотрел бы я на него, когда бы он остался со

мною наедине. Я молю Господа, чтобы мне предоставился шанс проявить себя на деле, показать, насколько сильна может быть человеческая ненависть. Я бы оторвался на славу, выместил на нем все накопившуюся злость. Подрехтовал бы его физиономию так, что ему не смог бы помочь ни один пластический хирург. Я уверен, такая возможность у меня будет! И, да поможет ему Бог!

Эви снова показалась в окне, но, что-то было в ее взгляде, какая-то искра сумасшествия. Детка, надеюсь, ты не сделала чегонибудь неосмотрительного? Если с ней что-то случится, я не переживу этого. Такого удара моя психика не перенесет.

Словно подтверждение моим мыслям, из дверей клиники выскочила Эви, оглядываясь. Глупенькая! Камеры же везде. Неужели она так захотела меня увидеть, что наплевала на собственную безопасность?!

— Любимый! — мимолетные поцелуи по всему лицу, вернули меня к жизни. Я безотчетно потянулся к ней в попытке обнять, но связанные руки не позволили. Тогда, она с коварной улыбкой искусительницы, вытащила из кармана ключ на золотой цепочке и отомкнула замок. Потер затекшие запястья и удивленно уставился на нее.

— Откуда? Как ты раздобыла ключ? Он ведь постоянно у него на шее! — Эви открыла рот, чтобы ответить и без чувств свалилась мне на руки.

И тут началось невообразимое: со всех щелей здания повысыпали люди. Они что-то кричали, матерились, суетливо бегали, расталкивая друг друга. Эви забрали и понесли в клинику. На мои вопросы никто не отвечал. Под охраной меня сопроводили в палату и до утра я промучился в неведении.

Наутро длинный охранник, всегда издевательски подшучивая, молча поставил передо мной завтрак и удалился. Меня не отвели на задний дворик, не приковали, обо мне просто забыли до самого вечера. Я сходил с ума от беспокойства за Эви. Что с ней? Где профессор? С чего такая паника?

К вечеру появился боров. Бросил мне буханку хлеба со словами:

— Жри, что есть, мразь. Если твоя сучка выживет, я сам отправлю ее на тот свет.

— Что значит выживет? — заорал я, вскакивая с кровати. — Что вы с ней сделали, сволочи?

— Мы? Она сделала это сама, добровольно?

— Что, это?! Что она сделала добровольно? Отвечай!

— Эй, эй! Потише! — стряхнул с себя мои руки и заторопился к выходу.

— Стой! Позови профессора! — беспомощно выкрикивал я в закрытую дверь.

Боже! Детка! Что ты натворила?! Не успел озвучить этот вопрос у себя в голове, как в ужасе дернулся к дальней койке — змеиного яда на месте не оказалось...

Пока профессор отсутствовал в клинике, мы с Эви принимали яд понемногу, следуя инструкции на этикетке. Таким образом, мы решили обезопасить себя, на случай, если что-то пойдет не так. Это был наш способ убийства.

Целый месяц мы продумывали до мелочей, как именно и когда можно будет совершить это преступление. Хоть он и исчадие Ада, само зло во плоти, но, факт остается фактом: мы собирались пойти на убийство, но детальная разработка побега спутала нам все карты. Эви, накануне, отговорила меня от мести. Сейчас я думаю, что зря поддался ей в таком важном вопросе. Не будь профессора, возможно, мы были бы уже на свободе.

Что же произошло? Зачем она приняла яд сама? Неужели подумала, после неудавшегося побега, что жизнь кончена?! Приняла яд, украла ключ... только, как ей это удалось?! Зная,

что может не выжить, решила во чтобы ты не стало попытаться освободить меня!?! Глупенькая! Ну, какая же глупышка! Разве ушел бы я без нее! Никогда! Она моя жизнь! Без нее и мне жить не зачем! Она показала мне, как умеет любить. Дала почувствовать, каково это, быть любимым. Научила любить! Я люблю ее всем своим сердцем!

Не понятно, почему чертов псих не появляется! Почему не злорадствует? Почему так ведут себя охранники! Это совсем на них не похоже: приходите и не отпускате свои язвительные шуточки. Куда делась вся их бравада?

Следующий день прошел подобно вчерашнему: мне кидали объедки, которые я с жадностью поедал, и молча, не отвечая на мои вопросы, удалялись.

Беспокойство за Эви достигло своего апогея, я разве, что на стены не кидался. Перевернул в палате все вверх дном, в ключья изорвал матрасы, отодрал с корнем раковину и швырнул о стену. Она разлетелась на крупные осколки. Это совершенно никого не заинтересовало и ко мне на шум никто не явился. Какого хрена происходит? С чего такая таинственность?

Вечером явился длинный. Посмотрел на беспорядок и забрал назад нехитрый ужин.

— Пока не приведешь все в надлежащий вид, жрачки не получишь. Можешь истерить сколько угодно. Этим ты ничего не добьешься. — Безразлично проговорил он, покидая палату.

Я улегся спать прямо на полу в ворохе разорванных матрасов. Проворочавшись до самого утра, я наконец, забылся крепким сном. Меня никто не разбудил, обо мне, словно, забыли. Известий об Эви, также, не было и я стал потихоньку сходить с ума, думая, как лишиться себя жизни.

Она умерла. И мне не хотят говорить об этом. Они понимают, что с ее смертью возможности узнать о бумагах у них не будет, поэтому, как можно дольше, оттягивают этот момент, играя в молчанку.

Как только проснулся, решил для себя, что не дам им уйти, пока они не объяснят, как Эви и что происходит. Но, до самого вечера ко мне никто не заходил. Я терялся в догадках и сомнениях, не понимая, что происходит.

Уже было далеко за полночь, когда дверь в палату распахнулась и вошли оба охранника.

— Есть, я смотрю ты не хочешь, раз не соизволил прибраться в этом гадюшнике, — произнес длинный. Затем, озвучил новость, от которой меня прошиб холодный пот.

Отчаянный шаг

Эви

Меня определили в качестве прислуги или уборщицы. Я сама не до конца понимала свою роль. Шпыняя по любому поводу, заставляя готовить чай, кофе, приносить еду и убирать кабинет профессора — они будто испытывали моё терпение. Казалось, что меня специально провоцировали на какой-то шаг, действие, что послужит спусковым механизмом.

За мной следили, и я не могла понять почему, зачем все это! Зачем, этот непонятный спектакль!? То ли профессор боялся, что мы опять сбежим и придумаем новый план... Поэтому решил нас разделить. То ли, хотел насолить Артёму... сломать его, заставляя думать и мыслить о том, что профессор может сотворить или сделать со мной.

Я переживала за любимого. Понимала, что я должна быть послушной перед профессором, слушать его и выполнять все требования, иначе, гнев последнего выльется на

одного нас. Он и так последнее время был нервным... дёрганым. Мне было очевидно, что не все в его жизни гладко.

Рутина убивала, монотонные занятия изо дня в день приводили меня в паническое недомогание. Я до ужаса боялась, что Артёму причинят вред. Я настолько любила его, что малейшие поползновения, толчки, избиения в его адрес, причиняли мне невероятно сильные душевные муки и терзания... Мне не хватало порой воздуха, чтобы вздохнуть. Я полностью растворилась в нем, и не представляла себе жизни без него... Я нуждалась в нем, в его заботе и внимании. В его объятиях... В его любви.

Мне нужен он, как никто другой. Очередной раз убеждаюсь, что он моё все! Неважно, что он сделал! Все неважно! Важно, только то, что я люблю его! Что он любит меня! И на что мы готовы ради друг друга!...

Нам запрещалось общаться, разговаривать. После целого дня в обществе профессора, где мне приходилось играть послушную куклу, вместо того, чтобы обнять любимого, приласкать, мы молча лежали, шепча губами слова любви.

Я сходила с ума от беспокойства. Артём сидел взаперти прикованный, а я должна была прислуживать этому психу. Его насмешки и непонятные слова злили меня, буквально, выбивали почву из-под ног. Тонкие намёки приводили в замешательство, заставляя мозг усиленно работать. Я не знала, что мне делать, как реагировать на сложившуюся ситуацию. Как помочь Артёму?

Я хотела отомстить доктору, очень хотела! Хотела причинить боль! И у нас даже был план, от которого мы отказались, ради побега. Сейчас, я, как никогда желаю его осуществления, но всегда был неподходящий момент. Он мне не доверял, постоянно проверял: то заставит съесть с его тарелки, то отпить с его кружки. Меня каждый раз обыскивали, едва я появлялась на пороге его кабинета. Кругом были подозрения. На каждом шагу ловила внимательные взгляды профессора.

Масляные шуточки охранников стали агрессивнее. Один из них постоянно норовил ухватить меня, ущипнуть или шлёпнуть. Несколько раз зажимал в коридоре, пока я выходила по каким-либо поручениям профессора. Мне приходилось отбиваться и угрожать. Обычно это срабатывало...

Но, если идиотов охранников я ещё могла стерпеть, то ухмылки профессора и его вера в то, что он сможет любым способом узнать у Артёма об этих злосчастных документах, заставляли меня ещё больше злиться и думать о его смерти.

И вот настал момент, когда у меня появился шанс... Сегодня был очень насыщенный и суматошный день: все суетились, спешили. А профессор был в очень хорошем настроении. Крутя на цепочке ключ от цепей Артёма он захотел поговорить по душам.

— Эвелина, а давай ты сделаешь нам чай, и мы с тобой поболтаем о том о сем!? Я хочу предложить тебе неплохой вариант, чтобы убраться отсюда. Ты же хочешь, чтобы я освободил вас с Артёмом?

— Что вы хотите?

— Я бы хотел выпить чаю, зеленого, без сахара, с долькой лимона. Сделай, естественно, и себе, а потом мы поговорим, обсудим условия.

Вот он, подходящий момент, чтобы совершить наказание! Я должна во чтобы то ни стало отомстить за нас с Артёмом. Никаких сделок! Никаких компромисов и уступок! Кара и возмездие должны настичь всех, рано или поздно, все получают по заслугам. Разберусь с профессором, освобожу любимого, а охрана свое получит, когда мы доберемся до

полицейского участка.

Мы с Артёмом принимали яд малыми порциями, понемногу, в течение месяца в отсутствие профессора. Увеличивая дозу на всякий случай, чтобы организм привыкал. Благодаря ежедневным приемам вместе с пищей в малых дозах, при попадании в организм дозы, превышающей в разы, этот яд разрушался быстрее и выводился из организма в короткие сроки. Конечно, это не спасёт от интоксикации, но повысит шансы на жизнь. К змеиным же ядам, можно, вообще, выработать иммунитет, но, только посредством введения его в кровь. Такие яды разрушаются в желудке, как и любые белки природного происхождения.

Сегодня у меня появилась возможность избавиться от профессора, и я должна ею воспользоваться. Заветный бутылёк я протащила несколько дней назад. Сейчас же он лежал у меня в кармашке свободных штанов, которыми меня снабдили на период службы у профессора. Охраны поблизости не наблюдалось. Все было мне на руку. Удача давно обходила нас стороной... Нельзя упускать ее, поймав за хвост...

Приготовив чай по его просьбе и для того, чтобы исключить все непредвиденные ситуации, я вылила весь бутылёк в заварник с чаем. Поставила на поднос две кружки, сахар и пошла к профессору. Мне сегодня, можно сказать, везло: по дороге никто так и не встретился, руки не тряслись, дыхание в норме. Я готова!...

Я знала, на что шла и осознавала, что может произойти. Но моя месть была превыше всего, важнее, чем моя собственная жизнь. Зайдя в кабинет профессора, и выставив на журнальный столик поднос, принялась ждать. Поигрывая ключом, будто, дразня, раззадоривая, к столику подошёл профессор. Этот ключ притягивал взгляд, манил меня. Но я старалась не показывать вида, что мне хочется его заполучить. В моем мозгу билась сейчас только одна мысль, если яд сработает, то я смогу выиграть время и мы предпримем новую попытку сбежать, ну... или Артём сбежит один. По крайней мере у него появится шанс.

Профессор прищурился, как ищейка, почуяв что-то неладное. Внимательно посмотрев мне в глаза, он произнёс лишь одну фразу:

— Надеюсь, девочка, ты не наделала глупостей? — моей невозмутимости, наверное, можно было позавидовать. Я просто отрицательно покачала головой, опустив в смирении глаза.

В душе творилось нечто невообразимое, мгновенно раскидав невозмутимость: сердце стучало от волнения, казалось оно пробьёт грудную клетку и выскочит наруду. От нервного напряжения начал дёргаться глаз, а зубы, которые я сжимала с силой, готовы были раскрошиться на мелкие части. Разливая же по кружкам чай, я сама удивлялась своему контролю — даже рука не дрогнула. Но душу трепало так, будто, сейчас разорвётся последняя нить, соединяющая меня с этим миром. Я ждала, затаив дыхание. Ну, когда же он сделает первый глоток!? И опять профессор решил переиграть самого себя. Заменяя мою кружку своей, медленно подносил к своему рту чай. Я смотрела в глаза доктору, не отрываясь и не моргая.

— Пей, Эви! Пей! — Поднесла чашку к губам, мелкими глотками отпивая остывший чай. А профессор говорил с таким видом, словно знал, что я что-то натворила. Повторив действия за мной, ухмыльнулся: наверняка думал, какой он молодец, что перехитрил меня. Затем, он неожиданно дёрнулся, расслабил на шее галстук. Его дыхание участилось, кожа вокруг губ приобрела синеватый оттенок, а лицо начало бледнеть. Профессор задышался, воздух со свистом проходил через дыхательные пути. В секунду язык вывалился и стал

отекает. Жуткое зрелище...

Пытаясь разодрать на себе рубашку, ногтями царапал шею. Желал пробиться хотя бы к глотку воздуха. Тело его не слушалось, трясущимися руками он попытался схватить со стола телефон, но руки ему не подчинялись. Судороги начали скручивать все тело, прокатываясь волнами. В глазах появился страх за свою жизнь, и последнее, прежде, чем упасть и потерять сознание, он видел мои глаза.

Кто же мог подумать, что на этот яд у профессора аллергия, но, все признаки на лицо. Я даже представить не могла, что все окажется настолько просто, но если его прихвостники придут к нему, возможно, они ещё успеют его спасти.

Подойдя к профессору, сорвала с цепочки ключ и, собирая все свои силы воедино, посмотрела в окно на любимого. Скоро, скоро, я иду...

Моё сознание путалось. Я еле переставляла ноги, тошнота и сумасшедшая слабость буквально сбивали меня с ног, но мне нужно было идти. Одышка не давала мне нормально вздохнуть, а учащённый пульс бил набатом в висках. Голова кружилась так, что мне приходилось идти буквально на ощупь, крепко зажмутив глаза. Я держалась из последних сил. Мне, во чтобы то ни стало, нужно спасти Артёма. И, вот она заветная дверь, ещё три шага и я освобожу его. Просто нужно протянуть руку и нам опять удастся убежать. Казалось, я иду целую вечность... Слышала в отдалении звуки голосов, крики. Охранник в серверной, явно не спит, но мне было плевать. Единственное, что меня волновало — как можно скорее освободить Артема. Выживет ли чокнутый профессор? Надеюсь, что нет...

Отворив дверь, напрямик направилась к клетке. На недоуменный вопрос о ключе, ответить не смогла. Последнее, что помню — это испуганный возглас Артёма и сумасшедший страх в его глазах...

А есть ли выбор?

☆☆☆☆☆

Когда нет надежды, когда нет спасенья

Когда сломлен дух и истерзано тело

В душе пустота, а в глазах лишь презренье

План мести вынашивать станешь несмело.

И будешь бороться, и будешь сильнее,

Срывая запреты, пройдя сквозь преграды,

Решив для себя, что в жизни важнее

Отдашься судьбе и вздохнешь от досады.

Когда дали выбор, но выбора нет

Когда понимаешь, что сдохнуть отрада

Приносишь любимой один только вред

Своим появлением. Нет нам пощады!

Добиться расплаты останется в мыслях

Возмездие, кара — все это дерьмо!

Ты света не видишь, теряешься в смыслах

Навеки посеяв сомнений зерно...

Добро не всегда побеждает злодея,

А зло, иногда, почивает на лаврах

И кровь стынет в жилах... душа леденеет,

Танцую на наших прогнивших останках.

Тонешь в отчаянии, муки терзают,

Сдаешься, теряя надежды искру,

Но крик вдалеке, разгорается в пламя,

Ведь я обещал! За нее я умру!

☆☆☆☆☆

Артем

— Док при смерти! Твоя шавка отравила его! — длинный выплевывал слова, сжимая кулаки от злости. — Если он не придет в себя, я ей ноги вырву, но сначала выверну наизнанку все, что у нее между ног.

По началу меня бросило в пот от беспокойства за Эви, но, затем, я попытался взять себя в руки и определить главное — она жива! Несколько суток сходил с ума в неведении... Молчание охранников могло означать, что угодно! Выживет ли профессор мне было наплевать — с его смертью ничего не поменяется. В любом случае, нам это с рук не сойдет.

Длинный не уходил, ожидая реакции... любого действия или слова, возможно, вопроса, но, он не ожидал моего полнейшего безразличия. Охранник, даже добавил, что, добьется разрешения на то, чтобы вдоволь насладиться мучениями любимой. С трудом проигнорировав его душещипательные идеи по этому поводу, улегся на койку.

И, снова, меня посетили не радужные мысли... Снова, я остался наедине со своими страхами...

Прошло много часов, казалось, время остановилось, прежде, чем скрипнула дверь и в комнату вошла любимая, озираясь по сторонам, в поисках меня. Когда же ее взгляд остановился на мне, она с криками радости подбежала ко мне и осыпала моё лицо поцелуями.

От слез защипало глаза, сердце замедлило темп... Недоверчиво оглядывая ее хрупкую фигурку, едва сдерживал себя — наши чувства не для посторонних глаз. Она жива... Она здесь, со мной, значит, у нас все еще есть шанс...

Охранник вышел, плотно прикрыв дверь, не забыв запереть нас на засов. Я молчал, не зная, запрет на общение все еще в силе или он уже не актуален... Эви тоже, как только поняла, что я в порядке, нерешительно встала возле кровати. Весь ее вид говорил о том, что она и не надеялась на встречу. Принялась ощупывать меня, проверяя, пытаюсь убедиться...

Мы понимали, что за нами наблюдают, поэтому сдерживали свои порывы. А, единственное, что хотелось больше всего — это обнять, прижать к себе, и не отпускать...

Как же все опостылело! Не осталось никаких сил бороться! Конца и края нет этому кошмару. Остается ждать и надеяться...

Я прекрасно понимал, что выходка Эви не останется безнаказанной, вопрос в том, на что они готовы пойти ради мести. Убийство я исключаю, в нашей смерти никакой выгоды, а вот, вдоволь поиздеваться, это в их духе. Что они придумают на этот раз!? Профессор мастер на всякого рода истязания. В этом я уже убедился...

☆☆☆☆☆

В здании что-то происходило: раздавались громкие разговоры, шум, скрежет металла. Прямо над нами двигали мебель, во дворе гудели машины. Мат охранников смешался с какими-то стонами.

Это продолжалось до поздней ночи. Эви уже спала, тихонько посапывая на моем плече — мы не смогли расстаться, поэтому легли рядом. Я долго не мог сомкнуть глаз,

прислушиваясь. Наконец, все стихло, и я ненадолго забылся беспокойным сном, чтобы резко вскочить, когда чьи-то руки оказались на моем горле.

— Что, испугался? — ухмыльнулся длинный, оглядывая Эви масляным взглядом. — Сегодня твоя шлюшка попрыгает на моем члене, но ты можешь не переживать, — снова мерзкая ухмылка, — я доставлю ей незабываемое удовольствие. Она долго не сможет меня забыть.

— Умрешь с этой мечтой, сволочь! — вскричала любимая, вставая с постели. — Я лучше вскрою себе вены, чем позволю тебе прикоснуться ко мне, мразь вонючая!

— Вены ты вскроешь после того, как я тебя оприходуя, — рассмеялся, отходя к двери. — Профессор жив, голубки, и готов вершить правосудие! — ввернул напоследок.

Спать мы больше не смогли: последняя реплика длинного дала понять, что расплата близка.

— Прости, любимый! — зашептала Эви. — Я не знала, что делать! Не знала, как остановить это безумие!

— Не надо! Ты все правильно сделала, я поступил бы также, предоставь судьба мне такой случай. Его смерть — это лучшее, что могло бы случиться. Не думаю, что без главного эти придурки на что-то были бы способны. Они бы разбежались, как крысы с тонущего корабля.

— Да, наверное ты прав... Жаль, что у меня не вышло. — Расстроено прошептала, поглаживая меня по руке.

— Детка, я обещаю, верь мне! Я вытащу нас из этого дерьма! — не знаю, что нам уготовано, но моя решимость крепла. Эви показала, что нужно бороться, не опускать руки, чтобы не случилось. И мне стыдно, что она оказалась сильнее меня морально. Словно, каждая преграда, каждое издевательство, не сломило ее дух, а, наоборот, укрепило. Как там говорится? Что нас не убивает — делает сильнее!? Пора прекратить распускать нюни, жалеть себя и винить свою судьбу! Все дается по заслугам! Не могу знать, в чем провинилась Эви, возможно, в том, что находится рядом со мной, но, моя вина очевидна. Я искуплю ее сполна, а затем, сделаю жизни этих ублюдков невыносимой. — Они заплатят за содеянное...

— Я верю, Артем! Верю! — ее руки блуждали по моему телу, она прижималась все сильнее, будто, прощаясь. В глубине души, я и сам понимал, насколько мизерна возможность благополучного завершения этого кошмара. Но я не опущу руки, буду бороться до последнего. Сдохну, но и их утащу за собой... Всех, блять! Все трое пожалеют, что родились на свет и связались со мной! Я покажу им на что способна любовь. Звучит, как бравада, но я сделаю это.

Немного воодушевившись, приготовился к приходу профессора. Я почему-то не сомневался, что, как только он оклемается, его толстая жопа окажется здесь.

Целый день мы промаялись в ожидании, в любой момент они могли появиться, но, это непонятное промедление только усиливало страшное предчувствие. Я даже представить не мог, что мог бы придумать этот псих...

Они пришли ночью, когда мы с Эви уже уверились, что наш час еще не настал...

... Не было вопросов о документах, не было упоминания о попытке отравления, как только они вошли, меня принялись медленно и методично избивать. Эви кричала до хрипоты, уговаривая и умоляя их остановиться. Налетала на мучителей с кулаками, вгрызалась зубами в их руки, но они только посмеивались, отпихивая ее, как незначительную помеху. Странно, что ей ничего не сделали, не попытались успокоить

силой... только это и придавало сил, не давая отключиться. Мысль о том, что, если я потеряю сознание, сволочи переключатся на нее, оставляла меня в сознании...

В какой-то момент я потерял ориентиры и на мгновение забылся. Сколько я пробыл в этом мнимом забытьи, точно я сказать не мог, но, как только очнулся, мне показалось, я упустил нечто важное.

Глаза залиты кровью, сквозь прикрытые веки, увидел Эви. Она стояла, прижав руки к груди и мотала головой. Я практически ничего не соображал, боль была нестерпимой, всё тело ощущалось бесформенной массой.

— Раздевайся, я сказал, — прошипел рядом знакомый голос психа. — Или мои ребята поработают над ним основательнее.

Эви, моя Эви, стала медленно поднимать футболку вверх, а затем, решительно отбросив в сторону, с вызовом посмотрела на него.

— Хорошо. — Мерзкий смех. — А теперь, бюстгалтер, да побыстрее, а то твой парень соскучился по своей девочке. — Эви расстегнула защёлку и, прикрываясь руками, сбросила и его. — Молодец! Встань на колени, Эвелина, доставь старику удовольствие.

— Нет! — Прохрипел я пересохшими губами.

— Нет!?! — профессор оказался передо мной в одну секунду. — Хочешь занять ее место!? Похвально! Слыхали, парни! Вот это я понимаю! Вот это самопожертвование! Так что, Артем... — наклонился ко мне, обдавая запахом лекарств, — я предоставляю тебе выбор: твоя жопа или щелка Эвелины!?

Тошнота подкатила к горлу, я не смог вымолвить не слова, лишь согласно кивнул. Плевать, что будет со мной, если есть хоть какой-то шанс, что Эви больше не подвергнется насилию. Она достаточно натерпелась, чтобы еще раз проходить через такое. Как я буду выглядеть в ее глазах после подобного, я старался не думать, главное не дать им прикоснуться к ней. Сделать все возможное, чтобы предотвратить это.

— Я не слышу, Артем, — проговорил профессор. — Твой выбор?

Посмотрел на любимую и четко произнес:

— Моя задница в твоём распоряжении, тварь!

— Вот и славненько! — обернулся к охране и кивнул. Длинный потирая руки в предвкушении, с превосходством посмотрел на меня.

— Сволочи! — Я все понял. Это очередная уловка, плевков. У них нет ничего святого...

— Она твоя, Сергей! — в это же мгновение меня схватили за руки и потащили. Я вырывался, кусался, лягал их ногами, тщетно. В моем положении, тягаться с двумя здоровенными лбами было нереально.

Втолкнув меня в кабинет психа, распластали на столе, лицом вниз, удерживая руками с двух сторон. Почувствовал сзади член профессора, упирившийся мне в зад. Прикрыл глаза, прекрасно осознавая, что сейчас произойдет.

Крик Эви, наполненный ужасом, раздался неожиданно громко. Это конец...

Спасение

Почувствовал напряжение в воздухе. Крик Эви стих. Мне даже показалось, что меня держат не так крепко.

— Дернетесь, и профессору хана! — произнес знакомый женский голос. — Отпустите парня, козлы!

— Делайте, что она говорит! — испуганно завопил псих. Мои руки стали свободными,

охранники нерешительно встали, удивленно поглядывая на кого-то позади меня. Я обернулся...

Медсестра, лечившая меня в течение месяца, с довольной ухмылкой приставила шприц с какой-то жидкостью к шее профессора. Он трясся, как осиновый лист.

— Отошли дальше! Или я его кончу! — крикнула она, заметив, что они стали приближаться, обходя с двух сторон. — Ну! — зашипела, когда охранники не послушали. Ввела иглу наполовину, нажимая. — Это яд! Такая доза смертельна!

— Вы, что, оглохли! — завопил псих.

— Я справлюсь, Артем, иди к своей девушке. — Мне не надо было повторять дважды. Я бросился к нашей палате. Именно там, длинный собрался насилловать ее.

Я бежал, сломя голову, боясь не успеть. Такая удача нам еще не светила — у нас оказался союзник в этом логове монстров. Сможет ли она сдержать трех мужиков, меня не волновало. Раз она пошла на это, значит, у нее были на то причины. И, судя по ее поведению, она не так слаба, как кажется. Движения четкие, речь решительная, без намека на страх. Она знает, что делает.

Криков слышно не было. Стояла неестественная тишина, словно, никого, кроме нас не было. Ворвался в палату и остолбенел. С Эви было все в порядке — она стояла возле человека в маске, уговаривая его спасти меня. Комната была заполнена людьми в бронежилетах и шлемах. Длинного скрутили — он валялся на полу с заломленными руками и задранными в захвате ногами. Рядом с Эви стоял доктор Брусникин и высокая молодая женщина в спортивном костюме.

К длинному применили болевой прием и он истошно завыл. Я испытал небывалое удовлетворение. Эви, как только я появился, принялась обнимать меня. Слезы радости текли по ее лицу, скатываясь по подбородку.

— Любимый! Все хорошо?! Тебе ничего не сделали!?! — шептала она, прижимаясь ко мне все сильнее. — Не скрывай... Если они... — она запнулась, всматриваясь мне в глаза. — Если они, — снова попыталась произнести фразу, которая ее беспокоила.

— Нет. Они не успели. Все хорошо, детка. — Она вздохнула. Это наверное ее первое спокойное размеренное дыхание с момента нахождения здесь. Повернулся к врачу... Он стоял в сторонке, не мешая нашему разговору. Выглядел он не очень, но глаза светились радостью. Он беспокоился за нас! Это очевидно!

— Как ты, Артем? — подошел к нам и, неожиданно, обнял. Крепко. Я на мгновение расстерялся — меня никогда не обнимал никто, кроме Эви.

— Теперь, — слегка отстранился, чтобы удобнее было говорить, — все просто прекрасно. Надо отправить кого-нибудь в кабинет профессора. Там девушка... ей нужно помочь. Она одна против здоровых охранников.

— Ничего с ней не будет, — влез здоровенный детина в маске. Походу главный здесь он. — Жанна профессионал своего дела. Не стоит беспокоиться.

— И что?! Она девушка! Она одна с тремя психами.

— Она, хоть и девушка, но, Жанна, одна из наших лучших оперов, так что... — мужчина ухмыльнулся, — я бы больше переживал о тех, кто сейчас находится с ней в одной комнате. — И, словно в подтверждение его слов, раздался оглушающий рев, полный боли. Снова во мне проснулось удовлетворение от мысли, что все, причастные получают сполна.

— Что с ними будет? — поинтересовался я. — Доказательств достаточно. Им светит большой срок, как я понимаю?

— Судя по рассказам Жанны, здесь оборудована целая лаборатория с незаконными экспериментами на людях. Их держат без их на то согласия. Сейчас мы тут все осмотрим, запротоколируем и заведем дело. — Главный отдал распоряжение участникам группы, затем позвал помощника, который, подняв маску на лоб, усиленно обтирал лицо. — Жень, приведи Жанну с ее жертвами. — Женя заржал, как конь. Видно и в правду, никто из них не сомневался в способностях медсестры обуздать этих уродов.

— Сделаю!

Мы с Эви, доктором Брусникином и его коллегой, которая, как оказалось поверила в него и помогла с поисками, тихонько разговаривали. Я не до конца верил, что врача так просто лишили всего. Пока он рассказывал, все, что с ним происходило, пока мы находились в руках у психопата, мы с Эви удивленно переглядывались. Дааа, ему тоже пришлось не сладко! Он, также поведал, как им удалось добраться до нас. Через одного профессора они ставили палки в колеса нашему психу. Затем, об этих их действиях узнали оперативники, которые давно взяли под наблюдение гения. Только вот не могли попасть на его территорию — разрешения на то не было. Поэтому внедрили Жанну под видом медсестры. Она собрала доказательства, по которым им дали добро на проникновение без оповещения. Но, чтобы сделать это незаметно, они воспользовались все той же Жанной, которая открыла им двери. Девушка отвлекла внимание охранника в серверной, чтобы он не поднял тревогу и группа беспрепятственно проникла в клинику. Никто не знал где нас искать, поэтому они решили разделиться. Группа захвата, услышав крик Эви, направилась в палату, а медсестра, чтобы не привлекать внимание, настояла на том, чтобы пойти одна к кабинету профессора...

Его монолог прервался, когда в палату ввели борова, профессора и второго охранника. На их лицах был виден испуг — они не знали, что их ожидает. Подтолкнув всех троих к длинному и остальным охранникам профессора, которых малыми группами приводили оперативники, медсестра направилась к главному, что-то прошептав. Я заметил, что рука борова неестественно свисает — видно девушка неплохо поработала над ним. Он еле сдерживал себя от боли. Его потряхивало, губы крепко сжаты... Прекрасное зрелище! Я прекрасно понимал, что испытываемые мной радостные ощущения от чужой боли, пахивают садизмом, но ничего не мог с собой поделать. Они не люди и все это заслужили.

Главный, переговорив с Жанной направился к нам. Его серьезное выражение лица мне не понравилось. Что-то случилось?

— Тут такое дело, — почесывая затылок пробормотал он, — Жанна говорит по дороге сюда ей шепнул наш сотрудник, что дело дрянь.

— Что это значит?! — Все же на виду! В чем проблема?!

— Это значит, что у нас ничего нет против этих уродов, кроме вашего заточения! — вскричал главный. — Да и с этим ничего не состряпать. Ваше слово против его, — кивнул в сторону, сбившихся в кучку уродов. — Эта сволочь скажет, что вы незаконно проникли на его территорию. Еще неизвестно, чем это может закончиться. Вам вполне могут впать срок! — Чего!? Я что-то не совсем понял! Ему ничего не будет!? Он уйдет от наказания!?

— А как же его опыты!? Люди под аппаратами, которые находятся рядом с его кабинетом. Это что, не в счет!? Что же это за правосудие такое!? — вне себя от злости закричал я, порываясь разорвать глотку профессору, чтобы хоть как-то унять клокотавшее в груди беспощное состояние.

— Так нет ничего! — заорал в ответ главный. Вернулась группа, которую он отправил за сбором доказательств. Они в кратце пояснили, что все чисто! Нет ни лаборатории с

людьми! Ни подвалов с кровью и элементами пыток! Все прибрано!

Доктора завозмущались, негодуя... Столько трудов и зря...

Я взглянул на профессора... Он вернул мне взгляд, полный превосходства и громко расхохотался. Я уверен, каждый в этой комнате, исключая, конечно, его людей, готов был придушить его собственными руками. Вот, что я слышал прошлой ночью! Они подчищали следы своих преступлений, подозревая что-то. Умный, сука!

— Артем, Артем! Какой же ты, все таки, наивный. Весь в отца... — подбежал к нему и принялся наносить ему удары в лицо, но псих продолжал смеяться, словно, не чувствуя боли. Меня никто не останавливал и я оторвался на славу, пока в изнеможении не повалился рядом, закрыв лицо руками. Мало того, что он, возможно, избежит наказание, так еще и мы с Эви окажемся на скамье подсудимых. Вот это удача! Вот это жизнь, блять! Везет, как утопленникам!? Нихрена!

— Ты сдохнешь, сука! — пообещал я, услышав, что псих зашевелился. Костями лягу, но добьюсь справедливости. Будешь гнить в тюрьме до скончания века! — окровавленная ухмылка не сходила с его лица. Это лицо хотелось раздавить ботинком, чтобы оно раскрошилось в пыль. Чтобы никогда в жизни он не смог причинить никому вреда. Чтоб наверняка... — Я обещаю, слышишь!? Я жизнь потрачу, но доведу дело до конца! Ты будешь оглядываться каждый раз, выходя из дома, на подъезде на работу... Где бы ты не находился, я буду рядом! Я стану твоей тенью и, однажды, ты сам попросишь меня о смерти! — усмешка потеряла свое превосходство, рот скривился в испуганной гримасе. — Что, проняло, мразь!? Помни об этом! Я всегда буду с тобой, пока ты не получишь сполна!

— Артем! — вскричала Эви. — Тебе не придется проводить всю жизнь, карауля, пока этот ублюдок примет свое наказание! — все, как по команде, повернулись в ее сторону. Кто в надежде, кто с напряжением и паникой. Она указала пальчиком наверх: туда, где висели видеокamеры...

Эпилог

Артём

Просмотрев камеры видеонаблюдения, даже, много повывавшие на своей службе оперативники были слегка шокированы.

Лаборатория профессора было кладезью множества преступлений: люди, поступавшие для его экспериментов были похищены, некоторым не было и четырнадцати лет. К ним применялось не только насилие, вводились наркотические и психотропные препараты против их воли, над ними издевались и всячески унижали. Также, был обнаружен незаконный оборот наркотиков и многое другое.

При совокупности преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору, судом было назначено наказание сначала за каждое совершенное преступление отдельно, после чего по совокупности преступлений.

Длинный, боров и остальные участники преступной группировки сдали профессора с потрохами, надеясь на снижение срока. Пробыв со своим руководителем с двадцати лет они многое понарасказывали, а главное — это убийство моих родителей. Они подтвердили, что именно он нанес смертельный удар, лишивший их жизни. Более того, на протяжении двадцати лет на его руках кровь более ста человек. Их останки, по показаниям сообщников, обнаружили кинологи с собаками в лесу. Там целое кладбище. Это было громкое дело. Коллегия Министерства образования и науки отменила все награды и звания профессора,

что не помешало последнему оставаться с этим прозвищем до своей смерти.

Всем установили пожизненное лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и здоровье населения и общественной нравственности, общественной безопасности, и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

На момент вынесения приговора профессору исполнилось шестьдесят два года, поэтому применение пожизненного заключения было произведено в исполнение.

Их определили в тюрьму особого режима для пожизненно осужденных. Она расположена в режимном поселке за северным полярным кругом. Сбежать отсюда не представляется возможным.

Погодные условия здесь суровые, как и тюремные. Температура воздуха с октября по февраль в среднем составляет минус 40 градусов. Лето длится всего один месяц — июль. Среди заключенных — убийцы, особо опасные государственные преступники и насильники.

Профессор умер спустя одиннадцать месяцев, попав в камеру беспредельщиков за неподчинение персоналу тюрьмы и неоднократное недовольство условиями содержания.

Эви

С этого момента началась наша жизнь. Настоящая жизнь, а не безликая тень жалкого существования. В ней не будет страха и насилия, ночных кошмаров, что отличались от реальности только тем, что боль в них была подсознательной, а не физической. В ней не будет ненависти и неведения... В ней будет счастье. Наше с любимым, настоящее, совместное счастье...

После спасения из лап безумного психопата, нас приютила у себя подруга доктора Брусникина. У неё был замечательный дачный домик, в котором мы пребывали на протяжении нескольких месяцев. Это был для нас самый счастливый период после всего, что с нами случилось... словно медовый месяц, время, которое мы всецело посвящали друг другу. Артем приносил мне завтраки в постель, мы гуляли за руки по саду, я читала ему вслух. Две половинки одного целого, которые, наконец то, никто не пытается разнять... В один из таких вот мечтательных вечеров у камина, рассуждая о совместном будущем, мы коснулись важной темы — как будем жить дальше?

Возвращаться в родительский дом Артёма, или туда, где он держал меня насильно, не хотелось однозначно. С этими местами связано слишком много плохого. А нам нужно стараться всё забыть. Начать с чистого листа. Поэтому, мы решили продать два участка, а на вырученные деньги приобрести новое, семейное гнездышко...

Так и поступили. Продажа заняла некоторое время, поэтому нам пришлось погостить на даче ещё некоторое время. Коллега доктора Брусникина не возражала. Мы с огромным интересом выбирали свой будущий дом... Благо, наши мечты и видение этого места практически во всем совпадали. И я, и Артём, хотели тишины и покоя. Мы видели за жизнь слишком много, и желали лишь одного — покоя.

Уже через пол года, наша небольшая компания праздновала новоселье. Это был уютный дом в поселке возле города, с большой террасой и лужайками. В нем было все, о чем только можно мечтать... И теперь, мы будем жить здесь. Обошёлся он немало, но, заниматься ремонтами или перестройками не придется. Он словно строился специально для нас!

Денег, оставшихся после покупки, хватило бы на год жизни. Но мы решили вложить их в своё маленькое дело... Создавать что-то своими руками. Я училась на дизайнера, и, хоть окончить университет у меня не вышло, получалось в свое время довольно неплохо. А Артем ещё со школьной скамьи умел тесать дерево. Поэтому, он закупил материалы, и построил

небольшую мастерскую. Стулья, столы, полки, и множество полезных вещей. Самостоятельно делали, красили, покрывали лаком и продавали. Сначала через интернет. Покупатели приезжали, и забирали заказ. Позже — соседи и друзья соседей. Состоятельные люди, которые ценили ручную работу.

Нам удалось превратить хобби в работу, которая достойно оплачивалась. И, мало того, помогала восстановиться нашим душам. Запах дерева, и радость от результата — давала новый жизненный глоток... Со временем, можно было сказать, что мы действительно счастливы.

В гости к нам иногда заезжал доктор Брусникин. Мы пили чай на веранде с самодельной сдобой, в приготовлении которой я теперь частенько практиковалась, чтобы порадовать вкусеньким любимого. И болтали о разном... Чаше всего, просто беззаботно смеялись. Никто не хотел вспоминать тот период... Однако, кое чего мне по правде не хватало. Я скучала по маме... Но не решалась написать после того, как узнала, что она снова сошлась с Тем человеком. Даже думать не хотела, что он находится с ней рядом...

Но, однажды, письмо пришло мне. Не знаю, какими путями мама разыскала меня... Но, что-то мне подсказывает, что здесь не обошлось без Артема. Оказалось, что с отцом она все же разошлась... Через несколько месяцев после того, как списывалась с Артёмом, думая, что это я. И больше сходитья не намеревалась. В ответном письме я попросила ее приехать... И она согласилась.

Долгожданная встреча напомнила о том, как сильно я люблю эту женщину, и насколько сильно желаю ей счастья... Она тоже была за меня рада. Подружилась с Артёмом, и иногда мне казалось, что они подшучивают надо мной вместе. Особенно, когда пересматривали мои детские фото...

Так мы жили около года. А потом — расписались. Без особого торжества, пышного платья и ресторана. Тихо, по семейному. Пригласили только самых близких... В этот день мне показалось, что мама и доктор Брусникин как-то странно друг на друга смотрят... С интересом, что ли? В прочем, это уже другая история...

Детей у нас быть не может. Но это, должно быть, и к лучшему. Никто не может быть уверен, что, пережив то, что пережили мы, можно хорошо воспитать ребенка. Принадлежать только друг другу... Вот какой будет наша жизнь.

Правда, собаку мы всё же завели. Той же породы, что и пёс Артёма. Он умер после того, как я попала на реабилитацию в клинику доктора. И я скучала по нему, не меньше, чем хозяин... А Коди (так мы назвали нового питомца) очень напоминал его...

В общем, на этом можно закончить нашу историю. Надеюсь, она донесла до каждого, кто о ней знает, важную истину... Как бы ни было порою ужасно, и какие крутые повороты ни доведётся пережить, хэппи-энд всё равно может случиться. С абсолютно каждым из нас...